

АЛЬБЕРТ СВЕТЛОВ

Целуя девушек в снегу

Альберт Светлов

Целуя девушек в снегу

«Издательские решения»

Светлов А.

Целуя девушек в снегу / А. Светлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930771-2

Издание Сергеем первого тома воспоминаний привело к череде непредсказуемых событий. Лина, имея возможность заглянуть в будущее, пытается предупредить любимого о грозящей ему опасности, но Максимов относится к её намёкам легкомысленно и начинает работу над второй частью, охватывающей период 90-х годов 20 века. Неожиданно, когда книга уже почти дописана, происходит кровавая развязка. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-930771-2

© Светлов А.

© Издательские решения

Содержание

Предуведомление	6
1А. Мы умчались вдаль на чужой электричке...	7
1Б. Пароль для розовых пони	16
1В. А потом – рюкзак с котом...	26
2А. Но ты прошла, не глядя на меня...	38
2Б. Целующие любимых да обретут вечность...	49
Из дневника Сергея Максимова	57
Из дневника Сергея Максимова	59
Из дневника Сергея Максимова	60
Из дневника Сергея Максимова	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Целюя девушек в снегу

Альберт Светлов

*«Разлука смотрит на меня
Твоими серыми глазами»
Е. Фролова.*

© Альберт Светлов, 2024

ISBN 978-5-4493-0771-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предупреждение

«Столкнулся я тут недавно с издательским делом. Книжку требовалось одну напечатать. По минному делу. И вот, что я вам скажу: современное состояние книгоиздания автоматически отсеивает всех тех, чьи работы не укладываются в концепцию буржуазного общества потребления. Будь Вы хоть трижды Толстым и четырежды Хемингуэем, вы не сможете издать равным счётом ни единого экземпляра, пока не опуститесь до уровня среднестатистического бумагомараки. Ибо, его книги продаются, а Ваши – нет. Литература перестала быть путеводной звездой, зовущей в неведомое, перестала учить думать, фантазировать и делать выводы. Она теперь только развлекает. Чтение книги перестало быть трудом, оно превратилось в процесс подобный процессу поглощения гамбургера. Прочитал и выкакал.»

Роберт Джордан «Испанский дневник»

Данный текст является художественным произведением. Все совпадения имён, мест действий и детских прозвищ прошу считать случайным стечением обстоятельств. Даже, если вам почудилось, будто в схожих событиях вы принимали участие.

1А. Мы умчались вдаль на чужой электричке...

*Чужого горя не бывает,
Кто это подтвердить боится, —
Наверно, или убивает,
Или готовится в убийцы...
К. Симонов.*

Когда в очередной раз речь зашла о том, чтобы пригласить на обед Павла Викторовича, нашего дальнего родственника, бабушка Катя, споласкивая посуду, занудно засокрушалась, что Пашка Туров давно к нам не заглядывал, а сам я, почти год, как прекратил навещать влиятельного и богатеющего Ложкина. Павел Викторович и Туров проживали в одном микрорайоне, именуемом в Нижнем Тачанске «Вишнёвкой», ни тот, ни другой не подозревали о существовании друг друга, и лично были не знакомы.

Небо над типовыми панельками, где они испокон века обитали, имело устойчивый цвет густой вишнёвой наливки, от этого сходства и пошло, данное неизвестным острословом местного разлива, название, ставшее со временем, в некотором роде визитной карточкой Тачанска. Объяснялся несвойственный естественным небесным цветам оттенок, побуждающий, впервые увидевшего его сельчанина, удивлённо тыкать пальцем в вышину, толкать соседа, и вопрошать: «Эт чё, Миха, у них туточки, дураков, испытания проводят, чё ли?» и добавлять: «Фууу, ну и вонишша! Точно у нас в коровнике!», расположением в городской черте химических и металлургических предприятий, щедро делящихся с обитателями Нижнего Тачанска радужными выбросами и оригинальным букетом ароматов периодической таблицы Менделеева. В джентльменский набор входили формальдегид, сероводород, свинец, висмут и прочие незаменимые для укрепляющего моциона среднестатистического тачанца вещества.

Ничем не примечательным свежим майским утром, после ночного кислотного дождичка, в четверг, проезжая у железнодорожного вокзала, откуда открывалось диковинное апокалиптически—загораживающее зрелище тянущихся в поднебесье лисьих хвостич дымов, постепенно смешивающихся и придающих друг другу дополнительные лилово-ядовитые отливы, я стал невольным свидетелем, как мальчик лет четырёх, зачарованно таращась на бурлящие сверху волны, затормозил мать: «Мам, а там облака надувают, да? Как мыльные пузыри? Там Бог живёт, да?» Я усмехнулся, расслышав по—детски наивный вопрос, но не узнал, что ему ответила мама, — достаточно милостивая молодая женщина, одной рукой беспрестанно одёргивающая подпрыгивающего у неё на коленях сына, а второй взбивавшая короткую причёску, и прикрывающая лицо от восходящего солнца. Именно в момент, когда она взялась воспитывать сынишку, обронившего белую невесомую бейсболку на пол и вскочившему дабы её подобрать, раздался усиленный динамиком баритон:

– Улица Парковая. Следующая – Луговая.

Я оторвался от обёрнутого изолентой расшатанного в пазлах поручня, остановился у вагонной двери и опёрся на неё. Конечно, я вроде бы нарушал правило, начертанное молочными полусмытыми трафаретными знаками на стекле: «Не наваливаться на дверь во время движения», но, воспринимая намалёванное буквально, я не наваливался, а слегка опирался. Кондуктор содравшая с меня плату за проезд, спокойно подрёмывала. Провожая взглядом тополя с юными, не покрытыми слоем пыли, листочками, дорожные столбы, фырчащие легковушки, обгоняющие наш дребезжащий трамвай, я заметил и отражение мальчика, вновь ластившегося к матери, успевшей, пока мальчонка поднимал кепчонку и неловко сбивал с неё соринки, разглядить свою плюшевую юбочку. Мать что—то принялась рассказывать ребёнку, но я не разобрал слов женщины.

Вместе со мной вышли трое – два джинсовых парня лет двадцати, зашпешивших асфальтированной тропинкой вдоль акаций, и высокая, длинноволосая, близоруко щурившаяся девушка, подносящая запястье с часиками практически к носу. На Луговой высаживалась сопливая абитура и сырые студентки, голосовавшие рублём за относительно дешёвый вид транспорта. Надо признать, не лучший вариант, ведь отсюда до учебного заведения около километра.

Перебежав размашистым шагом брусчатку, я обернулся назад, посмотреть, как, кряхтя и постукивая колёсами на стыках, незаметно набирая скорость, отъезжает трамвай, увозящий маму и её любознательного, резвого отпрыска. В этом городе меня никто не знал, я тоже не водил знакомство с 99,9% населяющих Тачанск, поэтому и не стеснялся носить очки с линзами на -7, но и в них не сумел разглядеть минутных попутчиков.

Трамвай оставался, хочешь не хочешь, платным, и деньги с пассажиров взимали исправно. Находчивые школяры прибегали к хитрому способу прокатиться до института условно—бесплатно. на электричке. Она стартовала в областной центр в 07:31, за полчаса до занятий. Проехать в ней требовалось единственный заваливающий полустанок, и студенты, учитывая, что контролёры не брались шерстить всех подряд на столь малой дистанции, торчали 4 минуты в пропитавшемся грошовым отечественным табаком тамбуре.

Вообще—то, до ВУЗа катался автобус, собиравший учащихся последовательно в трёх точках Тачанска. Маленький, вонючий, с минимумом места. К сожалению, я на него, не поспевал.

Также, Малинин и я не пользовались электричкой. Просто опаздывали, прибывая на вокзал после того, как она прощалась с перроном. Но находились и те, кто направлялся на учёбу принципиально на поезде. Мне и моему институтскому корешу, Дюше Малинину, улыбочивому, никогда не унывающему очкастому крепышу, ставшему вскоре звездой вузовского КВНа, порою удавалось доезжать без пересадки. Если в час пик, получалось втиснуться в механическое нутро, на прямой рейс с Медянки до Лесной, мы, безмерно довольные сим фактом, благополучно достигали своей остановки, не потратив впустую ни стёртого медного пенса. Правда, заранее выгребали поближе к двери, – толпа наглухо запечатывала пространство, и маячила не иллюзорная опасность, трепыхаясь селёдкой в неводе, проскочить свою улицу.

Весной и осенью попадать в пединститут казалось не сложно. Зимой обстояло печальней. Особенно первой зимой, когда рухнула великая держава, а экономику желторотые реформаторы в малиновых пиджаках вогнали в коматозное состояние. Естественно, Тачанск не обошли катастрофы, обрушившиеся на население в ту тяжёлую годину. Острейшей проблемой явилась транспортная. Она не свалилась ниоткуда этаким невиданным зверем, негаданно материализовавшимся с началом шоковой терапии. С крушением Союза, государство погрузилось в повальное обнищание, деградацию государственных заводов, лишённых ассигнований. Сократилось число автобусов на Медянку, а число аборигенов в спальном районе продолжало увеличиваться. Уехать утром и вернуться в Медянку вечером, стало нереально затруднительно.

Вдобавок, зима на слиянии эпох выдалась не на шутку немилосердной. В нервном ожидании транспорта иногда выстаивали минут по сорок, коченея на обжигающем ветру, кидаясь к каждому автобусу. Но они ранее до треска забивались людьми, и тащились, резко сигналивая, да демонстрировали остающимся красные огоньки фар. Время от времени, доведённый до крайности, народ целым скопищем блокировал «Икарус». Счастливики, набившиеся внутрь, будто сельди в бочку, упёршись в разворачивающиеся створки, не позволяли им распахнуться, и разочарованные группы работяг, бессильно пинали по скатам и бортам, матерились, но отпускали автобус восвояси.

Трамваи ходили тогда без графика. Вагоновожатой, согласно инструкции, полагалось закрывать двери полностью и, беснующиеся снаружи, принимались толчками утрамбовывать закрепившихся на подножке. Сопровождалось действие истеричными воплями в микрофон:

«Пока двери не закроете, никуда не поедem! Освободите среднюю, поднимитесь выше! Пройдите вглубь салона». Неслись сердитые выкрики: «Твоюмать, да куда наверх? На крышу, что ли, лезть, нах? Или на провода?» В жуткой давке люди пробирались к выходу за две, а то и три остановки до нужной. Ловкачи цирковыми акробатами болтались на сцепке, так называемой «колбасе». Очень редко на линию выпинывали сдвоенные вагоны, и подловить их появление считалось несомненной удачей.

Пару раз в предрассветные туманные морозы под —30, после безрезультатных метаний от автобуса к трамваю и обратно, я посиневший возвращался в квартиру. А бабушка с дедом, дозволив мне отогреться и подтереть сопли, доставали из чулана рукавицы, валенки, заставляли сменить на них зимние ботинки на рыбьем меху, осенние перчатки, и выпроваживали, приговаривая: «Даже не мечтай сачковать! Ишь придумал, уроки прогуливать! Холодно ему! Всем холодно, другие—то терпят! Не нюнят!» Они изнеженность внука решительно не понимали. Их детство и юность прошли в гораздо худших условиях. Они, мёрзли и недоедали, а до школы добирались за двенадцать вёрст в любую погоду.

Ситуация поменялась, едва приватизации подвергся изношенный транспортный парк Нижнего Тачанка. На трассу повыгоняли окончательно разваливающиеся колымаги-скотовозы с дырами в полу. Стоимость проезда в подобной телеге составляла 5 рублей, а потом и 15, в муниципальном автобусе – 50 копеек. Увы, муниципальных не сохранилось. Проезд в трамвае с повышением цен сравнялся с полтинником, но и его, подчас, сэкономили, – в плотной массе ездоков ни один кондуктор работать не мог. Сидя на отведённом ей закутке контролёрша, дёргаясь, кричала: «Передаём за билетки и проездные! На конечной шмонает контроль! Пересылаем деньги!» Кто—то покорно отсылал вперёд монетки, но значительная часть притворялась глухой и немой, постно изучая слой льда на окнах.

Однажды, когда морозец бодро пощипывал за щёки, возжа попала нам с Малининым под хвост, и мы, сами не желая, совершили надолго запомнившийся анабазис. Добравшись до привокзальной гостиницы на заводском автобусе, я и мой товарищ увидели лишь маячок вагона. Становилось понятно, – лекцию мы неминуемо пропускаем.

Отплясывая на обочине джигу, мы с Дмитрием неожиданно повстречали Серёгу Травкина и Ольгерда Пустышкина, величаемого Савельичем. Бригада Малинина, за исключением Паши Турова, летом участвовавшая в ремонте факультета, внезапно оказалась в сборе. После непродолжительного замешательства и реплик: «Чё делать—то будем?», рыжебородый блондин Травкин предложил:

– Айда на электричку-истеричку. Она, вроде, не отошла. Погнали!

– Ты однозначно офигел, Серёга, – парировал вечно ноющий, худосочный мачо Савельич, – она ту—ту. Поезд свалил, собачка сдохла.

Его родственница посменно подвизалась в справочном бюро, и расписание он знал вернее однокурсников.

– Да нет! – набычился Травкин. – Говорю я тебе, она не ушла. Гарантирую на 100%. Золотой зуб Ахмета даю. Я во вторник так же спасся. Пошагали, опоздаем же!

– «Так вы будете сегодня пихать, или вы не будете сегодня пихать?» – гоготнул Пустышкин, процитировав Серёгу.¹

Травкин, потешаясь, цапанул его за шиворот куртки, а Дима, поправив сползающие с переносицы дымчатые очки, интеллигентно и резонно изрёк:

– Йок макарёк, блин, спорщики! Короче, вась или не вась, уж решайте! Тупо ждём, или на вокзал двигаем.

– Мне – пофиг, – пожав плечами, мгновенно согласился Савельич, – на электричку, значит на электричку.

¹ См. Альберт Светлов. «Перекрёстки детства».

И мы бегом припустили к каменным ступеням.

– Может, сквозанём в обход? – я метнулся к зелёным решетчатым воротам, выведившим к полотну.

– Не укладываемся, – отмахнулся Серж, – напрямую, зданием.

Не поскользнувшись на полированном стилом граните, мы, напоминая пьяных от весны, щебечущих воробушков, взлетели к тугим маятниковым створкам и, запыхавшись, ввалились в зал. У входа, бабульки раскладывали на дощатых ящиках из—под яблок нехитрый товар, предназначенный для сбыта: ношенные вещички, шерстяные варежки и носки, старые журналы, традиционные маслянистые подсолённые семечки в бумажных пакетиках из газеты «Известия», пачки сигарет, которыми, и без оборотистых старушенций, ломались полки в киосках, жевательные резинки, презервативы, бутылки с пивом и водкой невыясненного происхождения. Стояло взлохмаченное утро, ларьки, приткнувшиеся к не отремонтированным с царя Никиты стенам с осыпающейся, неуютной казённой светло—синей краской, только начинали открываться.

Застрельщиками в триумфальном завоевании вокзала киоскёрами и ларёчками стали газетчики, оттяпавшие себе самый лакомый кусок. Они нагло разворачивали раскладушки, предварительно модернизированные фанерным покрытием. Эти суетливые торгаши с бегающими жучками глазёнок без зазрения совести вбухивали пролетариям не соцреализм, а секспросвет шокирующими номерами «СПИД-инфо» и «Плейбой»; пугали статьями альманаха «Совершенно секретно» и «Криминал»; восхищали прыщавых юнцов тощими брошюрками «Как увеличить грудь/член за неделю» и «Подари любовнице оргазм»; приводили в недоумение дачников со стажем самиздатовской макулатурой «Суперурожай картошки на лоджии» и «Лук от неизлечимых болезней»; завлекали выигрышем в «1000 кроссвордов и сканвордов», «Угадай и получи» и прочим, прочим, прочим псевдоинтеллектуальным шлаком, превращавшим головы простодушных, привыкших свято верить типографскому слову, граждан погибшей страны, в сортиры.

Вслед за газетчиками на вокзал просочились торговцы книгами. Их ассортимент был разношёрстным, а расценки – конскими. Многостраничные «Энциклопедии»; научпоп, не пользующийся ажиотажным спросом; моментально разлетающееся западное и раритетное российское фэнтези; приключения и фантастика; увесистые кирпичики с броскими наименованиями: «Кремлёвские жёны», «Библия», «Возлюбленные Гитлера», гороскопы, «Пришельцы среди нас», «Изнасилованные Берией» и т. д. Хитом продаж числилась книжонка Вити Резуна, изданная сотнями тысяч экземпляров, «Ледокол». По уверениям лотошника, в смену он реализовывал по 10—15 штук «Ледокола».

Лотки с книжками магнитом притягивали любопытствующих, изголодавшихся книголюбцев, и фолианты приходилось специально заказывать на завтра. Предвзятый читатель непременно посчитает, что я, перечисляя подробности, способен исключительно ехидничать и изгаляться над восторжествовавшей «швабодой». И он ошибётся. Я охотился и за мистическими захватывающими сочинениями, и за эзотерикой. Да и Калинин тратил на приключенческую жвачку, фантастику и детективы, невеликую стипендию. А что не покупал, – брал напрокат в моей библиотеке. В то время я собрал тридцать томов питерского издательства «Северо—Запад», ныне раритетных и ценных библиофилами. Тогда они мне рисовались неким прорывом в неизведанное, но с возрастом я радикально пересмотрел отношение к квазилитературе.

Книги, кропотливо и беззаветно отбираемые мною в течение ряда лет, при разводе с Линой застряли у неё. И я не слишком о них сожалел. В отличие от пятитомника француза Марселя Пруста, ставшего моим любимым классическим зарубежным автором. Я забыл его у Лины, и замышлял забрать позже, но стратегическим замыслом было не суждено сбыться.

Хороня священные для нас реликвии в чужом жилье, где довелось безоглядно наслаждаться уютом и лаской, мы безотчётно убеждаем себя в неизбежности реванша. Сохраняем

за собой перспективу вернуться. Как бы, за ними. Впрочем, чего юлить, отнюдь не за ними. За скорлупой вчерашнего счастья. За его призраком. За просыпанным песком арабских часов и гранатовым жаром соловьиных ночей.

Лютым закуржавевшим январём я увёз иные книжки. Те, что представлялись более ценными, более значимыми. О томящейся в крохотной душевной кладовке Линой библиотеке космической фантастики не упоминал. Но о нуарном Прусте думал часто, и ничтоже сумняшеся предпринял дерзновенную и безуспешную попытку вызволить его из плена людей, серьёзную литературу не читавших, и читать не планирующих. Выяснилось – книги выброшены Линой Аликовной на помойку. Стопы книг на помойке, на слякотной свалке. Мы здорово поругались с Линой Аликовной, и вследствие скандала не общались.

Но не фантастикой единой жил я. По наводке хамелеонообразного и бесхребетного Паши Турова, я приобщился к брехне Вити Резуна. И, нечего греха таить, она меня весьма впечатлила. Никто и не пытался проверить точность цитат, коими изобиловали творения перебежчика. Хватило и у меня глупости подсунуть сии опусы деду Ивану, пришедшему в неподдельное возмущение от их содержания.

Пожалуй, из нашей куцей компании, аргументированно и взвешенно разбивал лживость резуновской пропаганды лишь Куприян Южинов. Интересуясь военной историей, хорошо ориентируясь в определённых её аспектах, он насмерть рубился с Туровым, обсуждая «Ледокол» и «Аквариум», выставляя посмешищами, и Резуна, и Павлуху, невразумительно мекавшего на неудобные комментарии в цифрах, и в финале с кислой пунцовой ряхой покидавшего насиженное гнёздышко у тёплой батареи, где на переменах проходило рассмотрение волнующих нас тем.

К прочно обосновавшимся книготорговцам присоединились продавцы бижутерии, пышных пирожков и булочек. В палатках можно было приобрести всё, от сухариков и вяленой воблы, до приторного итальянского ликёра, минералки и палёного коньяка. Некогда сверкающий витринами Тачанск больше и больше смахивал на огромную барахолку. Прямо на тротуарах рассаживались торговки, загорелые азиаты, потусторонние кадры с размытыми, поплывшими от невзгод, невнятными лицами, навязывавшие одежду, обувь, еду, столярные и плотницкие инструменты, сантехнику. На перекрёстках, задыхавшихся от слякоти и отбросов, продавался и покупался шанс выжить.

Здесь устраивался дежурный замызганный нищий. У его обмоток валялась затасканная шапка—ушанка или консервная банка с мелочью. За брошенную ему денежку, заросший человек крестился, бормоча слова признательности и трясая засаленными волосами. Такой же бродяга караулил и у туалетов, распространявших по залам ожидания ни на что не похожую аммиачно—хлорированную вонь. Эти побирушки не имели в немых руках, безграмотно исписанных картонок, с текстом: «Памагите. Старел дом» и т. д. Картонки, по—моему, существенно умножили количество добываемого. Одно дело, если перед тобой непонятно кто, без судьбы, и в корне другое, когда ты готов соперничать надписи, пусть и выдуманной, про операцию, про сгоревший дом, или, банальному: «Бежал из Таджикистана/Узбекистана/Чечни». Поражали просящие милостыню женщины с двумя-тремя детьми. Они молча вращались в асфальт или наоборот слонялись по захлавленной площади. Им совали рубли, поспешно ускользя с бередящим душу чувством тревоги, их не принимали в расчёт, от них отворачивались. А они с надеждой шарахались от обывателя к обывателю, сипло, простуженно умоляюще хрипя: «Подайте, Христа ради!». К бедолагам притерпелись, и они перестали вызывать раздражение. То ли примелькались, то ли сознание вины притупилось, задавливаемое цедимым: «Нам бы кто помог!»

Художник Виктор фон Голдберг

Непреложным атрибутом того бесшабашного разгульного периода являлись ярко разряженные цыганки с папиросинами и голопузым выводком нечёсаной мелюзги, обиравшие доверчивых лохов. Берясь за обработку клиента типичным подходцем: «Дэвушка/ жэнщина/ мушщина, падсажи, как на почту проэхать», продолжали в окружении сгрудившихся товарок: «Э—э—э! Такая/такой добрая/добрый, и такой нещастный/нешщастная! Ну-ка погадаю, всю правду скажу, красавица/красавец! Всё, как есть узнаэш! Вижу, проблэмы у тэбя с родными!»

и заканчивали сакраментальным: «Вах! Слюшай. Порчу на тэбе вижу. Балезн вижу Лучшая подруга, мразь косорылая, порчу наслала. Вот, возьми самую крупную свою купюру в правый ладонь, дай свой волос, научу тэбя, как избавиться, век помнить будэшь, век благодарить!» В итоге, лопухий лошара отваливал от них с пустой, гудящей башкой, и выпотрошенным портмоне. А стая цыганок, каркая сытыми воронами, растворялись в неизвестности.

Чудом не вляпался в подобную заваруху, вовремя опомнившись, стоило речи зайти о «позолотить ручку», и я, по дури и пьяни. И, расчухав суть, послал расфуфыренную клушу по алфавиту, за что оказался ею проклят, и награждён скачком гипертонии. А на следующий день непостижимо вывернулся сухим из крайне неприятного происшествия на факультете.

Лине, насколько я позднее узнал, повезло меньше. Перечисленные стадии охмурения она проморгала, и спохватилась, когда её месячная получка, и пенсия её мамыши, перекочевали под цветастый балахон цыганки. Осознав, что месяц им придётся реально варить суп из топора, она со слезами и писком рванулась за уходящими к голосистому прошашлыченному рынку мошенницами, схватила одну за локоть, с рёвом принялась голосить, что, если не принесёт деньги, они с мамой умрут с голоду. Изумлённая её истерикой, оглянувшись, обманщица уронила Лине под ноги платочек с завёрнутыми в него банкнотами. С тех пор Лина боялась этих тварей, и как—то сжималась, замечая цыганок. А манекены, снующие мимо, отшатывались и ускоряли шаг, сканируя вывеску магазина меховых изделий. Никого не интересовало, что ограбили подростка. «Это меня не касается», – мысленно твердили они. Но понимали ли, что, бросая другого на растерзание негодяям, они отдают на расправу и себя? И их аналогичным образом, в любой миг, могут обмануть, обобрать как липку, избить на виду у людского прибоя, тщательно огибающего отражающие синее сентябрьское небо лужи с красными корабликами кленовых листьев?

Вряд ли.

Я был таким же.

В 90-е, закономерно, в результате мутаций, под воздействием страха нищеты, смерти, безработицы, из-под спуда прорезался на свет новый сорт человека (человека ли?) – человек равнодушный. И необычайную популярность обрела фраза: «Твои проблемы!» Я не слышал её в Советском Союзе. И никогда не услышу в «новой России». Произносящие эти слова, по сути, отрекались от звания мыслящих, разумных существ. Они неуловимо утрачивали представление о взаимопомощи и милосердии, – основы выживания в Период Перемен, самонадеянно полагали: устаревшие принципы им не потребуются. Многие, пивной жестянкой откатившиеся от «мы» к «я», термин «взаимопомощь», вспоминают не раньше, чем жареная деревенская птица клюнет их в седалище.

– На каком пути—то? – озадачился Димка, застывший у спуска в тоннель, тщетно вглядываясь запотевшими очками в висевшее над пригородными кассами электронное информационное табло.

– На четвёртом, кажись... – подтолкнул его Травкин, и мы поскакали вниз.

Вприпрыжку миновав подземный переход с цементным, неизменно влажным потолком, мокрыми и в немилосердную летнюю жару не просыхающими паллетами, мы прогромыхали деревянной заледенелой лестницей. Вблизи от места посадки дислоцировался ещё один клошар, раскрасневшийся и ёжащийся от позёмки, заискивающе кивающий всякому прохожему, что—то лопочущий, трогаящий распухшей рукой облезлую жестянку из—под монпансье. Не обращая на него внимания, мы оккупировали зловонный тамбур.

К нам вышел низкорослый худой мужчина, неспешно извлёк из надорванного кармана серого демисезонного пальтишки жёванную пачку «Полёта», чиркнул трижды никак не желавшей загораться спичкой, прикурил, удовлетворённо пыхнул струёй дыма в плафон лампы, и щелчком запустил огарок спички в бича. Поелозив по затылку лёгкой вязаной шапочкой,

и харкнув на перрон он, словно скрывая оскал, прищурился от едкого табака, когда Травкин зачастил:

– А! Видали. Я ж говорил. Кажись, и на греков успеваем. Что там сейчас?

– Пелопонесские войны, – отозвался я.

Сдаётся, никто, кроме меня, не отметил ухмылки курильщика. А у меня стало зарождаться смутное подозрение. Нехорошее подозрение. Ибо мы вломились в поезд, не уточнив, куда он идёт.

– Осторожно, двери закрррр-ся! – затарахтел роботизированный тембр. – Слдщая оствка дртрбр...

Пустышкин, предвкушая отправление, радостно потёр ладошки, а мужик отшвырнул недокуренную сигарету на бетонные плиты, снова сплюнул и укрылся в тепле вагона. Окуроч, упав возле часов, разметал вокруг искры и покатился к коленям бомжа. Тот не растерялся и проворно потянулся к дымящейся у его чунь сигарке.

Тут двери с шипением и грохотом схлопнулись, электричка дёрнулась, и лениво поплыла.

В противоположную от нашей «альма матер» сторону!

Мы ошарашенно застыли, не уразумев целиком, что происходит и как такое случилось.

И затараторили наперебой:

– Ты куда нас завёл, Сусанин тачанский?

– Вот влипли! Охренеть!

– Травкин, ты травки перекурил? Мы в Суглиново едем!

– Гарантируешь, угу? На 100%, угу?

Серж, чуть побледневший, обескураженно смотрел на мелькающие за окошечком станционные строения, куцые деревца.

– Вашу с передподвывертом! А вы чего ж не посмотрели? Отличились, панимашь! Засунули меня в электричку! Я вам министр железнодорожного транспорта? Слушайте, в прошлый раз на этом пути поезд стоял.

И Травкин яростно почесал огненно – рыжую бородёнку.

– Оба—на, мы его, оказывается, сюда засунули! Зизитопера недобитого! Растудыть его в макрель! И где следующая станция, гарант скандинавский? В коммуне? – поинтересовался я.

Серёга понурился.

– А какая электричка-т? Обычная или скорая? – спросил он.

Присутствующие переглянулись, а Савельич согнулся пополам от хохота и хлопнул себя по ляжке.

– Наверное, депо... – неуверенно поделился предположением Серж.

Но локомотив, набрав разбег, промахнул депо, не замедляя хода.

– Выходит, Сортировка... – меланхолично прокомментировал Травкин. Он переживал, что опростоволосился и подвёл приятелей.

Ремонтное депо находилось в трёх километрах от вокзала, Сортировка в четырёх.

Малинин протяжно присвистнул, грустно улыбнувшись и подмигнув отражению. И действительно, на Сортировке мы спрыгнули с высокого приступка негостеприимной площадки, заозирались.

– И? Куда теперь прикажете? – задал Дюша волнующий нас вопрос.

– Туда... – мотнул Серёга в направлении Тачанска.

– По железке, что ль, пойдём? В ментовку сдадут...

– Авось не сдадут... Не догонят...

– «Дырку им от бублика, а не Шарапова», – щегольнул я знанием классики.

А Травкин попинал натруженные рельсы, высморкался, поманил, поковыляли, мол, камрады. Солнышко светило в глаза, а мы, переступая со шпалы на шпалу, бойко по-солдатски шкандыбали к городу, избегая опасных участков. Десяток сплетающихся и расходящихся

лучей, цистерны с нефтью, с мазутом, полувагоны и хопперы с углём, щебнем, платформы с лесом. Бесконечные составы не позволяли петлять, срезать, маневрировать. Вдыхая весенний воздух, пропахший маслом и креозотом, мы вытягивались цугом между ними. А очутившись на открытом отрезке, переходили на молодцеватую рысь, игнорируя стрелки и семафоры, пришпориваемые возмущённым женским рыком из невидимого громкоговорителя: «Почему посторонние на территории? Немедленно покинуть зону прохождения электропоездов! Галя, набери вневедомственную!».

– Долго переться? – периодически поскуливал спотыкавшийся Пустышкин.

Проступили треугольники крыш частного сектора, кирпичные гаражи и хмурые многоэтажки. Мы заметили грунтовку, и перебрались на неё, вздохнув с облегчением.

– Фуууух! – всхлипнул Травкин. – Выбрались!

– Скорей бы уж! – простонал я, закидывая спортивную сумку на шею.

– Шустрый, аки вода в унитазе! – съязвил Димка.

Малинин держался молодцом, сказывались регулярные занятия карате. Дюшины немного изогнутые, как у кавалериста, ноги не знали устали. Он постоянно поддёргивал съезжающие на кончик малость вздёрнутого носа, очки. И неожиданно вполголоса затынул:

*«Псы с городских окраин – есть такая порода.
С виду обычная стая, их больше год от года...
А в этом месте по-другому не прожить!»²*

– Заткнулся б, ты, бригадира! Без тебя тошно! – сквозь одышку клокотнул Савельич.

– Мой вайбайтуй сносить твой тыква и учить её почтению к великому господину! – незамедлительно отреагировал Малинин, подпрыгнув и изобразив ботинком круговое движение.

– Но-но, вон кол из забора выдерну и по паклюшкам. Против лома нет приёма! – осклабился Ольгерд.

– Ща приедем, Нина Ивановна вас помирят на семинаре. А мало покажется, на коллоквиуме добавит. Сольёте в экстазе дружбы, любви и всеобщего мирового консенсуса, – невыразительно пробурчал Травкин.

Перед нами расстилалась магистраль Чёрного Берега.

– Наконец—то! – вырвалось у меня.

– Фьююююииить! – Димыч задорно свистнул, подражая Соловью-разбойнику. – Аля-улю! Гони гусей по закоулочкам! Ломанули, пацаны, караваны грабить!

Наш топот дробью рассыпался по переулку, и пригаражные матёрые псины азартно поддерживали его грозным захлёбывающимся лаем из-за калиток.

Фортуна, утомившаяся испытывать нас, засовестилась и прокатила студиозусов от чёрнобережных трущоб до Луговой.

Не сдавая одежду в институтскую подвальную раздевалку, мы взбежали на второй этаж истфака, когда перекур заканчивался. Большегубый Туров, изнывающий от безделья подле окна, придурковато воззрился, встряхнул кудрями и, напыжившись, разродился жутко неполиткорректным:

– Вы где шатались, тунеядцы?

– Где—где... в курином гнезде! Яйца крали, тебя е...и! – не сбавляя напора, презрительно процедил Дмитрий и мы, взмыленные, неуклюже сдёргивая с себя пуховики, со звонком протопали в аудиторию, куда не успела спуститься из преподавательской Нина Ивановна Старицкая, читающая нам историю Древнего Мира.

² Чайф. «Псы с городских окраин»

1Б. Пароль для розовых пони

*Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены...
Ю. Визбор.*

До открытия магазинчика подержанной компьютерной техники оставалось сорок минут. Я не рассчитал время, планируя в это субботнее утро прошвырнуться на улицу Каляева. В выходной маршрутки курсировали, опережая расписание, полупустыми. Большинство граждан отсыпались после напряжённой трудовой недели и не выползали заголовно из тёплых постелек ни свет, ни заря.

Лениво прикидывая, то ли пробежаться по торговым центрам главного проспекта Нижнего Тачанска, и поглазеть на товары, которые я не намеревался приобретать, то ли ждать здесь, у дверей, я прохаживался у стены каменного четырёхэтажного жилого дома сталинской постройки, где в полуподвале и размешалась комиссия. Её зарешёченные окна выходили на мусорные баки «Главшлака», а стёжка от входа уводила к недавно обновлённой игровой площадке детского сада с двухуровневым турником, дощатым корабликом, украшенным деревянным спасательным кругом на борту и фанерным парусом, избушкой для гномов, четырьмя верандами с восстановленными скамейками. Прошлой осенью это хозяйство отремонтировали, выкрасили, и за зиму макиаж не облез, не разбазарил бесшабашно наивное младенческое очарование. Многочисленные дорожки и прилегающая местность ежедневно аккуратно чистились от снега. Традиционные яблони, росшие по периметру забора из тонких металлических прутьев, поддерживали корявыми сучьями птичьи кормушки, в кои дворник регулярно подсыпал семечки, хлебные крошки, измельчённые яблоки.

Первый месяц весны демонстрировал отнюдь не весенний характер. Он изобиловал ночными заморозками, режущим северным ветром, метелями и снегом. Синоптики, погадав на бараньей лопатке, прогнозировали на ближайшие сутки очередное похолодание, стращали беспощадными вьюгами и арктическими буранами. Осадков за десять дней выпало больше, чем за квартал, поэтому вдоль ограды высились снежные кучи. Вывозить их не торопились. Тачанский чиновник, распоряжающийся городским хозяйством, прославился тем, что в интервью новостному агентству, на зачитанную ведущей претензию горожанки по поводу накатов на трассах и завалы у подъездов, на голубом глазу заявил, мол «не следует беспокоиться, весной само растает, информация стопроцентная». Мэр Тачанска, Гоняев, его тогда слегка пожурил, сослался на вспыльчивость своего зама, но отстранить от должности не решился, – «эффективными менеджерами», чья личная преданность не ставилась под сомнение, он дорожил.

День, когда я выбрался на волю, дабы присмотреть ноутбук взамен агонизирующего старичка, выдался ясным, пригожим. Было довольно тепло, что придавало оптимизма толстеньким важным снегилям, хрипло переговаривающимся на одной из яблонек и недоверчиво косящимся на разбитных горластых воробушков, суетливо прыгающих с ветки на ветку соседнего деревца. Высокий дряхлеющий тополь посередке надёжно облюбовали чёрно—серые вороны, воспринимающие весь двор своим вассальным владением, и возмущённо оравшие матом при появлении чужаков. От яркого солнца и ослепительно сверкавшего в его лучах наста слезились глаза. Я запоздало посетовал, что напрасно не прихватил защитные очки и плеер. Слушая его, мог бы незаметно скоротать полчаса. Что там на очереди? А, да, господин Бальзак. «Блеск и нищета куртизанок». Люсьен де Рюбампре с компанией, и его утраченные иллюзии.

Поясница теперь не болела нудно и изматывающе, если я просиживал перед компьютером по несколько часов в день, а болезненные ощущения купировались выполнением специальной гимнастики на растяжку. На приём к неврологу и хирургу, я попал спустя полгода после записи в регистратуре. Они, проведя осмотр, небрежно пошуршав результатами анализов, сошлись

в мнении об отсутствии на данный момент необходимости в операции (да и лист ожидания на неё растянулся на три года). Нужно дожидаться следующего приступа, избегать подъёма тяжестей, длительной однообразной нагрузки на позвоночник, носить фиксирующий бандаж, перед завтраком и вечером, выполнять комплекс упражнений. Недуг не исчезнет полностью, это хроническое, но доставит значительно меньше неудобств. Я придерживался перечисленных ограничений и чувствовал себя сносно.

Намотав взад-вперёд около пяти сотен шагов, я проникся убеждением, что недурственно было бы тихой сапой просочиться на территорию дачада, спрятаться там от посторонних, одновременно наблюдая за дверьми магазина, просматривавшимися с той стороны, пошарить в телефоне в поисках доступной сети и, обнаружив оную, включить радио.

Осуществить заковыристый план оказалось не суждено. Вдруг некто, ткнувшись с разбега в мою спину, обхватил меня за пояс. Рык взбудораженного тигра застрял у меня в горле, когда сзади радостно прозвенел знакомый голосочек:

– Угадай, кто! Нет, нет, не оборачивайся! Так нечестно! Стой смирно!

Конечно, я моментально понял, кто затеял игру в обнимашки, но решил, приняв пас, тем не менее, не спускать проказнице неуклюжий розыгрыш.

– Маша, ты? Вернулась из Сочи? – наигранно оптимистичным голосом воззвал я, и не дождавшись реакции, продолжил перечисление, прерываясь на короткие паузы. – Аня, опять от мужа сбежала? Света, ты прочла Ницше? Лариса, когда зонт вернёшь? Лида, не пробуждай воспоминаний! Ирина, по рюмашке «Фанагории»?

Удерживающие объятия разжались и, поворачиваясь к Лине, я услышал её яростно-гневно восклицание:

– Максимов! Ну ты жук! Окончательно наглость потерял?! Свихнулся от одиночества?

– А, это ты, малявочка! – я скривился, выказывая разочарование.

– Ты... ты... – Лина прожигала меня уничтожающим взглядом и, смахивая на тётушку Гусыню, всплёскивала ладошками, подыскивая подходящие выражения. – Нет, вы посмотрите только!

Я не выдержал и раскатисто заразительно рассмеялся, на что мгновенно отозвались две вороны:

– Кра—кра—кра!

Лина картинно топнула, махнула куда—то в пространство и возгласила:

– Он ещё и смеётся! Я ему сюрприз приготовила, а он прикалывается. Я ж не виновата, что не дотягиваюсь тебе глаза закрыть! Верста коломенская! А вдобавок и язва, Максимов!

– Ага, вот такая вот язва! А ты разве не знала?

– Ка-а—а—а—аррр! – с энтузиазмом подтвердила ворона и, захлопав крыльями, спланировала на крышу гаража, поближе к нам. Наверное, её заинтриговала наша болтовня, и она была не прочь её подслушать.

– Кхахр? – поинтересовалась с ветвей её товарка.

– Крах—крах! – описала видение обстановки та, что покрупнее.

– Да уж знала! Защищайся, ехидна!

Лина хотела меня толкнуть, но я благоразумно уклонился, и её кулачок в перчатке скользнул по моему левому боку. Девчушка, не удержавшись, с размаху ухнула в сугроб.

– Кхре! – хохотнула с гаража каркуша и, несуразно подпрыгивая, подобралась к краю крыши. Помедлив, она спросила у приятельницы на тополе:

– Кхре?

– Карра! – донеслось оттуда.

Сугроб, в который провалилась Лина, доходил ей почти до колен, и я поспешил на помощь.

– Разиня! – стонала Лина. – В снег из—за него упала! А он жёсткий! Что за напасть?!

Опустившись рядом на корточки, я помог ей сесть.

– Не рой другому яму! – иезуитски изрёк я нравоучение.

Откинув с головы Лины капюшон, смахнул с выбившегося из—под берета вьющегося локона, снежинки и, вытянув платок, нежно промокнул её пунцовые щёки. И нечаянно для самого себя, наклонился и чмокнул, не готовую к этому Лину, в уголок губ, слегка коснувшись своей щекой её.

– Ну и забавная ты!

– Серёж! – всхлипнула Лина.

– Кхра—а—ак! – восторженно запрыгала ворона. Раздражаясь, что на неё не обращают внимания, она перебралась на перекладину неподалёку, и цепкими бусинками антрацитовых глаз опасливо упёрлась в нас.

– Кыш! Пшла!

Лина прицелилась и запустила в ворону горсть снега.

– Крах—крах—крах! Кру! – взмыв, запальчиво посулила та.

– Зачем так? – назидательно произнёс я. – Вороны – мудрейшие среди птиц. И хитрейшие.

– Я и смотрю, она по—мудрому выглядывает и шпионит! Ишь, накаркала: «Растопит кровь любимого лёд...» У—у—у, подлюга! Фигушки!

Лина погрозила птахе пальцем.

Ворона повернулась к нам задом, сымитировав абсолютную утрату интереса к двуногим и бескрылым, ибо хватает у неё и вороньих забот-хлопот, но при этом косилась в нашу сторону:

– Кхр!

– Давай, поднимайся.

Ухватившись за протянутые руки, Лина легко вскочила и отряхнула пальто. Я провёл по её спине, и серая Линина одежда обрела первоначальный вид. Моё содействие пришлось весьма кстати, она, как ни крутилась, достать налипшие белые пушинки, не могла.

– Всё из—за тебя, из—за твоих дурацких шуточек.

Разыгрывая сердитку, Лина смешно надулась.

– Сама львицей бросилась...

– Не по—настоящему! Ой, Серёга, не очутиться б тебе на моём месте...

– В сугробе? Ничего, я ловкий!

– Ловкий? На любого ловкача найдётся циркач...

– Ты о чём?

– Нет, ни о чём. Потом... Блин горелый, Максимов! Ты ни граммулочки не соскучился?

– Что? А! Да! Безусловно! – спохватился я и приобнял Лину. Она снова уткнулась лицом мне в куртку и пробурчала:

– «Безусловно» соскучился, или «безусловно» наоборот?

– Безусловно, соскучился. Столько не появлялась!

– Я прихожу, когда ты сильно—сильно зовёшь меня. Можешь и не думать обо мне в такие минуты, но я не ошибаюсь.

– А этим утром звал?

– Громко. Очень. А мне необходимо кое—чем посеCRETничать с тобою. Удачно совпало, угу?

Я тронул мизинцем её щёчку, подбородок и начал чуть ощутимо раскачиваться в такт нёсшимся из не захлопнутой форточки второго этажа звукам прорывающегося вальса, исполняемого на фортепиано.

– Карр! – опомнилась и осмелела пернатая шпионка.

– Сергей, она опять подсматривает. Пойдём куда—нибудь!

– Но куда? А! Побежали на площадку, на веранду. Посидим на солнышке. Ты не замёрзла?

– Неа! А ты?

– Ничуть! Сегодня хорошая погода.

– «Сегодня хорошая погода», – задумчиво протянула Лина. – Пароль для связи во вражеском тылу.

– Хм, метко подмечено!

– А отзыв сочинил?

– «С тобой не бывает плохой погоды».

– Банально, но сойдёт. Пошли, конспиратор.

Припомнив название одной повести, прочитанной в юности, я усмехнулся.

Лина, шагавшая по тропке, обернулась убедиться, следую ли я за ней.

– Чему усмехаешься?

– Книжицу одну вспомнил с похожим заголовком?

– Какую?

– «Что может быть лучше плохой погоды».

– Ты её читал?

– Ага. Подростком.

– О чём она?

– О болгарском разведчике. Социалистический Джеймс Бонд. Стреляет, соблазняет...

Но подробности стёрлись из памяти.

– «О разведчике», – повторила Лина, устраиваясь на узкой лавке, и оглядываясь на любознательную птицу.

– Она ревнует! – сощурился я.

Ворона помалкивала.

– Сменим место? – поднялась Лина.

– Это бесполезно. Я предупреждал: вороны непредсказуемые и лукавые твари. Если захотят что—то разузнать, обязательно вызнают.

Лина уселась подле меня.

– Ну, и ладно. Ну, и пускай уши греет, – прошептала моя бывшая жена.

И неожиданно отодвинулась, взяла стоящую у стенки, на скамье, небольшую розовую лошадку с печальными глазами, разлохмаченной соломенной гривой и сбитыми подковками.

– Ух ты, Серёж, потрясающе! Кто—то лошадку забыл!

– Это не лошадка. Это – пони. Розовый пони. Мы переместились в мистическое царство сказочных мультяшных пони. И разумных хамоватых ворон.

Приглаживая ей гривку, Лина приговаривала:

– Бедняжка, заоченела на морозе. И ножка одна треснула. Так жалко её!

– Дык, возьми. Поиграешься, ежели заскучаешь, – подковырнул я.

– Вот мы тебя копытом!

Лина сделала движение, точно ударяя маленьким лошадиным копытцем по моей коленке.

– Всё—всё, я сдаюсь. Не вели казнить, вели слово молвить!

Обороняясь, я выставил руки. Лина обратилась к найденной безделице:

– Аааа, он струсил. Хвастунишка! Не принимай его всерьёз, Лили. Я тебя согрею, а в понедельник придёт хозяйка, подберёт и унесёт домой свою пропавшую любимицу.

Лина сжала фигурку в ладошках, сунув перчатки мне в карман.

Я придвинулся вплотную к ней.

– Ну, рассказывай!

– Сначала рассказывай ты!

– Что я—то должен рассказать?

– Как твои дела?
– Без изменений... Ноутбук приехал выбрать. Старому кирдык.
– Ноутбук? С моим фото на рабочем столе, 104-й симфонией Гайдна на проигрывателе и письмами синьора Дон Кихота Ламанчского в папке с черновиками? Чушь! Непозволительная роскошь... А книга? Ты клятвенно обещал написать.³

– Эээ... Не вполне... Сервантеса я со школы не раскрывал... А книжку написал. Всё закончено.

– Дашь рукопись почитать?

– Ноу проблем.

– Распечатай, а я заберу в парке по окончании концерта и променада с хаски. Договорились?

Я оторопело на неё уставился:

– Лина, ты ничего не путаешь? Концерт? Хаски? Это из какой пьесы?

– Из нашей, Серёж, из нашей. Черкани Nota Bene на 55 страничке.

Помолчав, продолжила:

– Прости, я забежала вперёд... О чём там? Скажешь?

– О тебе, о нас. Ведь, договаривались. Но я в замешательстве...

– Каждому событию – своя глава, каждой главе – свои герои, не ёрзай. А ещё?

– Много, о чём. О детстве. И как история обыкновенной жизни превращается в античную трагедию. И явь порой не отличишь от набранного в порыве вдохновения в Ворде текста.

– Выходит, твоё стихотворение устарело?

– Стихотворение?

– «Ничего не написано обо мне и тебе»...

– Нет.

– Почему?

– Книга не родилась, пока её не опубликовали и не прочитали. Она есть. Но её и нет.

– Сюр!

– Никто же не знает о существовании книги. Никто её не читал.

– Я скоро прочитаю...

– Для тебя этот стих и устареет.

– Сергей, ты не прав. Есть, к примеру, чудной и притягательный камешек, весь в дырочках, словно швейцарский сыр, да, хоть на острове Борнео. Ни один человек не подозревает о нём, но он есть. Согласен?

– Согласен. И не согласен.

Лина глянула недоумённо.

– Запутался, драгоценный мой. Этого не может быть.

– Может. Камешек на Борнео никак не влияет на людей. Пусть они о нём и знают. Никак!

А когда люди вчитываются в романы, то выводят из них некие универсальные формулы, и что —то в их офисно-кухонной мыльной опере чуть—чуть, но меняется.

– Романтик. Или сумасшедший, и у тебя мания величия.

– Или сумасшедший романтик, – вывернулся я.

От моего смеха ворона вверху засутилась и долбанула ледяную корку.

– Или так, да, – кивнула Лина. – Ты удивительно милый, если смеёшься! Мне всегда нравилась твоя улыбка.

– Нравилась?

– Нравится!

– Ага. Но я не имел в виду конкретно свою книжку. Я говорил вообще о книгах. О любых.

³ Альберт Светлов. Перекрёстки детства

- О совершенно любых?
 - Ага. Безотносительно.
 - И даже из тупой серии бездарного женского романа?
 - Листая их, люди или глупеют до уровня лишайника, или переходят на бессмертную классику, уставая от набившей оскомину преснятины и штампов.
 - М—м—м... В твоём суждении есть определённое рациональное зерно.
 - Само собой! Так что, дорогуша, выйдет роман, и обсудим, устарело ли стихотворение.
 - Успеешь ли?
 - Ай, времени вагон и тележка прицепом.
 - Слишком фамильярно обращаешься со временем. Оно не терпит такого запанибратства. Помнишь, в одном твоём стихе, в давнишнем, студенческом есть мрачная строчка: «И прошлое нередко убивает»?
 - Э—э—э... Склонен допустить...
 - А я помню. Когда книга оживёт, прошлое, воплотясь в строчки, в страницы, как—бы, материализуется... И многим она не понравится...
 - О! И кому? Не тайна?
 - Действующим лицам. Реальным действующим лицам.
 - Там нет реальных действующих лиц. Там выдуманные персонажи...
 - Всё же, с кого—то ты их скопировал? Прототипы. Они не полностью фантастичны?
 - С кого—то я их скопировал... Не в бровь... Не поспоришь.
 - Ну, и... Тем, с кого ты их рисовал, понравится?
 - К тем, с кого срисовано, она не попадёт.
 - А, если, допустим, попадёт?
 - Сомневаюсь.
 - Предположи, пофантазируй...
 - Кто-то оценит, кто-то проплюётся... Кого-то зацепит, на кого—то нагонит сон или ярость. Какая, к лешему, разница? Никого из них я не вижу годами. Да и не расшифруют они ребус.
 - А расшифруют?
 - Плевать. Им есть, за что конфузиться... Я при чём?
 - Но ты вытащил грязное поношенное бельё на всеобщее обозрение.
 - Лина, я ничего никуда не вытащил. Книги нет. И сомнительно, что она будет.
 - Серёжа, книга есть. Она просто не вышла. И ею ты выразил отношение к ним.
 - Лин! – заныл я. – Мне непонятно, что ты хочешь сказать! Ни бельмеса до сих пор не известно!
 - Ты неизменно хвалился предвидением последствий своих поступков, расчётами вероятности того, что произойдёт... Отчего теперь не предугадываешь?
 - Нечего и предугадывать! Сама убеждала написать текст.
 - Гляди не опоздай. Начнёшь понимать, а уже...
- При выпаде Лины, ворона, затихшая ранее, примостясь на крыше, вытаращилась на нас:
- Каррра!
- Лина передёрнулась.
- Закончим, Сергей, я не хочу больше на эту тему. Она по новой высматривает!
- Коварная пичуга скрылась из поля зрения, и заходила по наледи над нами, изредка щёлкая клювом.
- Она согрелась! – Лина гордо продемонстрировала приободрившуюся коняшку.
- Казалось, минутка, и коник азартно заржёт. Грива была ухожена, уложена и расчёсана.
- «Только косичку заплести!» – мелькнула мысль.

– Ты наколдовала, Лин? Пони прям воскресла... Гоголевская панночка навзрыд рыдает в церковных руинах...

Пассаж за милю отдавал приторной лестью, но Лина восприняла его на постных щах.

– Не «ты», а «мы». Ты и не ведаешь, сколько волшебства можно сотворить вдвоём. Любя...

И она принялась поглаживать игрушку.

– Лина... несравненная... Я считал, при свидании мы поговорим о сложившейся ситуации, а тут что—то странное получается. Аллюзии и недомолвки.

– Серёженька! Мы об этом и говорим. Соберись, соверши крохотное усилие...

– Потолкуем лучше о том, на чём остановились в предыдущий раз...

Лина отстранилась, озорно хмыкнула и, притянув меня за шарф, поцеловала. Я обомлел, не ожидая подобной прыти, но молниеносно сориентировался и ответил поцелуем на поцелуй. Губы Лины пахли шоколадом, ванилью, а волосы её, освободившись от беретика, рассыпались по плечам и щекотали мне нос и щёки. От щекотки я по-кошачьи фыркнул.

– Ты чего? – удивилась Лина.

– Щекотно! – засмеялся я.

– Ещё пощекотать?

– Пошекочи!

Она приблизила лицо, и, мурлыча, потёрлась о мою щеку.

– Тебе надлежит срочно завести кота!

– Ключев шерсти по углам квартиры мне как раз и не доставало!

– Уютный упитанный кот в доме – признак счастливого человека. Купи котёнка, назови Марселем... Гладь его и вспоминай меня.

– У меня ощущение, что я думаю о тебе беспрестанно.

– Думаешь... Но не зовёшь.

– Я не знаю, как звать.

– А я не способна тебе это растолковать.

– Но, иногда мы вместе. Наяву. Как сейчас. Ты, вроде планировала что—то сообщить?

– Я и сообщила...

– Неужто?

– А о чём мы с тобой беседовали?

– Фактически, ни о чём! Намёки, намёки...

– Ох, Серёжа, Серёжа!

– Ох, Лина Аликовна, Лина Аликовна!

Лина дёрнулась и прошипела с неподдельной злостью:

– Никогда! Никогда впредь! Не называй меня так!

Я опешил:

– А как?

– Лина. Безо всяких отчеств. Лина. И не иначе.

– Моя Лина.

– Твоя Лина.

– Я не хочу спрашивать, почему... Ты феноменальные страсти—мордасти собираешь!

– И правильно не хочешь...

– Ладушки. Мы не договорили о вариантах...

– Дудки! Поздно. Вон и ломбард давно работает. Вам пора, компьютерный гений, владыка виртуального мира...

– О, сударыня, Вы невероятно предусмотрительны. Позволите ли проводить Вас, моя очаровательная барышня?

– Ни в коем случае, мой господин.

– Но вы уверяли, моя принцесса...

– Нельзя, о, повелитель!

– Вы изъясняетесь загадками, миледи!

– Напротив, милорд. Отгадками. Имеющий уши, да услышит! Чтобы получить внятный ответ, надо задать понятный вопрос. Понятный, не только отвечающему, а и вопрошающему.

Я потрогал свои уши:

– Не отвалились, кажись! А не слышу.

Лина хихикнула, и погладив, напоследок, привыкшую к ней лошадку, вздохнула, выхватила у меня из кармана перчаточки, поставила поняшу туда, откуда взяла её в начале беседы, и громким шёпотом обнадёжила потускневшего пони:

– Лили, не грусти. Хозяйка тебя непременно отыщет. Обещаю.

– Уже всё, моя королева?

– Да, мой король!

– Мне кажется, я догадываюсь, кто ты... Это ты спасла меня, когда Пострелова и Задова едва не прибили? Ты... Я чудом не пострадал. Ни на йоту... Киряева, услышав о потасовке, объявила, что у меня сильный ангел—хранитель...

Лина протестующе подскочила и покраснела:

– Ты обольщаешься... Действительность гораздо сложнее. И проще.

– Неужели тебя не существует в принципе?

– Реши ты, что меня не существует, и мы более не увидимся...

– Должно быть, у меня шиза, и ты есть исключительно в моей башке, и разговариваю я с Каспером, с добрым и отзывчивым привидением из диснеевского мультлика. Филиппович, мой институтский кореш, обзывал Каспером преподавателя по Средневековой Азии и Африки.

Лина несколько секунд молча созерцала мой жуликоватый оскал. Затем, отреагировала очевидностью на каверзу:

– Я по—прежнему буду являться тебе, независимо от того, втемяшишь ты себе, что я есть, или что меня нет. Не отделаешься!

– Настырные нынче призраки. Форменная семейка Аддамс. А тебя видят другие?

– Видят.

– Постоянно?

– Когда я с тобой.

– А ты не всегда со мной? Ведь ангел...

Лина оборвала:

– Ты заблуждаешься, Сергей. Я объясняю, разжёвываю... А ты не слушаешь!

– Лина, ты умеешь читать мысли?

– Твои?

– Хотя бы...

– При условии, что ты не возражаешь.

– То есть, ты можешь перелистать книгу в моих мыслях?

– Нет, любимый. Исключено. Она там не помещается, – Лина прыснула в кулачок.

– А! Ты – не волшебница! Ты – учишься!

– Максимов! Я в сотый раз упаду из—за тебя! Щас же перестань третировать и пытаться несчастную девушку.

– Тебе открыто будущее?

– Чьё?

– Ну... моё... наше...

– Да.

– Поделиться, бесспорно, не дозволено...

– Оно, вообрази, неустойчиво, но ты не так глуп, как видится на первый взгляд, Максимов!

– Я борюсь с внутренней ленью, обломовщиной и невежеством, расту над собой, развиваюсь! А чумовые фокусы ты показываешь? Это... по воде аки по суше...

– Ты debil?

Я притворился до крайности оскорблённым:

– Чего я сказал—то? Чуть что, сразу: «дебил, debil». А ты не от этого? – я растопырил пальцы рожками и инфернально заухал филином. – «Князем мира сего именуют его»...

Ворона, испуганная моим гоготом, взлетела и пристроилась на вершине фонаря.

– Увы, Максимов. Я промахнулась. Ты, лишь стараешься казаться умнее! А на практике, намного дурнее. Ещё фигню скажешь, я с тобой знаешь, что сделаю?!

– Знаю! Поцелуешь.

Мы стояли у приотворённых дверей комиссионного. В проёме возник молодой лысеющий парень с картриджем и дисками, в свитере с узорами под морские волны, и без шапки.

Он поразительно смахивал на моего одноклассника Алика Светлова, застенчивого тихого троечника и доморощенного философа, фальшиво насвистывал мелодию, отдалённо напоминающую хит из репертуара Джо Дассена:

*«Et si tu n'existais pas,
j'essaierais d'inventer l'amour
comme un peintre qui voit sous ses doigts
naître les couleurs du jour,
et qui n'en revient pas.»⁴*

«На машине приехал. „Тачка“ за углом стоит».

– Дурачок. Глупенький дурачок! И почему я люблю тебя? А, дурачок ты мой?

Лина прижалась ко мне, глядя снизу—вверх и часто—часто моргая, словно ей под ресничкой колола соринка.

⁴ «Если тебя не существует на этом свете, Я, словно художник, нарисую свою любовь. И под моей кистью родится день, Единственный и бесконечный, Мир – твой и мой»

Рисунок Виктора фон Голдберга

– Сама утверждала: «Любят не за что—то, любят просто так». И на плёнку это записала.
– И не отрекаюсь от сказанного... Приглашай меня почаще, хороший мой. Ты не представляешь себе...

– Представляю себе. Я позову. Конечно, позову. Я хочу окунуться в прошлое, докопаться до причины...

– Когда—нибудь... К твоему сведению, есть причины, до которых докапываться рискованно для здоровья...

– Ладно. Лети. До встречи, моя ласточка.

– До встречи, золотко!

– «Милая моя, возьми меня туда... Там в краю далёком буду тебе...»

– Без раскаяния? И без сожаления?

– Без малейшего...

– Не жги все мосты... Мартовские иды враждебны к талантам... Прости...

– Сайонара!

Я шагнул в полутёмный коридор, закрыл за собой дверь, но поддавшись нахлынувшему порыву развернулся, нажал на ручку и выглянул на улицу.

Лины ускользнула. Только ворона неумолимой мойрой восседала на гараже. К горке вразвалку шли женщина в красной лыжной курточке и лёгкой вязаной шапочке, да мальчик лет пяти—шести в сиреновом зимнем комбинезоне с рябой колючей шалью, дважды обмотанной вокруг шеи, тащивший на бельевой верёвке недорогой снежокат. На сиденье подрагивало малиновое ребристое пластиковое ведёрко с торчащей из него жёлтой лопаточкой. Оно опасно покачивалось и норовило свалиться вниз, если ребёнок резко дёргал за шнур.

1В. А потом – рюкзак с котом...

*Тридцать миль назад я знал свой байк в закат,
И встречал рассвет у дальних берегов.
Тридцать миль назад без денег был богат,
Верил людям, жил без страха и оков.
DolmanoV.*

Через несколько дней после выпускного я вместе с Ложкиным поехал в институт сдавать корочки, необходимые для поступления. По—моему, стоял понедельник, но так ли важно сейчас название того дня, когда мы с ним, приобретя в кассе билетки за восемьдесят копеек, прямоугольные жёлтые кусочки бумаги, испещрённые машинными циферками аппарата, в 12:30 залезли в оранжевый «Икарус», где тёплые поручни смотрелись желтоватыми от покрывавшей их дорожной пыли? Что сейчас значит наименование канувшей в Лету даты? Она ценна не более той питерской пыли, липнувшей к нашим потным полудетским ладоням. Никто, кроме меня и не вспоминает о ней. Ни для кого, за исключением меня, она не имеет никакой святости.

Вопреки жаре и здравому смыслу, на ноги я нацепил хорошо разношенные коричневые туфли, в коих я недавно ходил в школу, а на плечи накинул серый костюмчик, ценимый за искусство скрадывать мою вопиющую худобу, нескладность и угловатость, а также за наличие карманов, по которым я и рассовал деньги и документы. О мужских барсетках в Питерке на заре 90-х и не слыхали. Жёсткий аттестат о среднем образовании, паспорт и «военник» покоились в левом внутреннем нагрудном кармане, синяя обесценивающаяся «пятёрка» – в правом. В боковые я сунул картонную пачку «Космоса» и спички. Верхние пуговицы свежей кремовой сорочки с твёрдым воротничком, были расстёгнуты. Я без стеснения водрузил на переносицу свои очки с толстыми линзами, побрился отцовской электробритвой, брызнул на шею и подбородок туалетной воды, и предпринимал нешуточные усилия, чтобы не расчёсывать зудящую кожу. Не в пример мне, Веня щеголял в светлой клетчатой безрукавке, в лёгких брючках, и в медового цвета, невесомых брогах. Ложкин настоятельно советовал мне снять «кафтан», как он выражался, но я, стесняясь своего заморённого вида, упорствовал.

В урочный час автобус со сдвинутыми до половины форточками и распахнутыми люками, что создавало некое подобие сквозняка, тяжело отъехал от остановки, а я стал, хотя, мне и предстояло прожить в деревне, минимум, месяц, прощаться с идиллическими и незатейливыми, исхоженными вдоль и поперёк улочками Питерки, жадно всматриваясь в разнокалиберные домики с типовыми шиферными крышами и резными наличниками, в поленницы, неказистые бани. И проводил телячьим взглядом наше обиталище с почему—то растворёнными настежь воротами. За ними мелькнул тротуарчик из брошенных на траву длинных досок, соседская бочка у акации, жёлоб на проволоке.

Под гам в салоне, под шум двигателя, я с тоской крутил башкой, в водовороте дискомфорта цепляясь за привычные образы, предметы. Для Ложкина подобные туры давно переросли в обыденность, и он недоумённо за мной наблюдал, похоже, не понимая тинистой тревоги в моей душе, и списывая нервозность на визит в приёмную комиссию. Но об этом я размышлял меньше всего. Неведомый ловец подсёк меня, я бессильно трепыхался у него на леске. Мошка в переслащённом ягодном вине.

Рисунок: Виктор фон Голдберг

Глядя в непромытое стекло с изображённой по слою пыли неизвестным острием ехидной рожицей с топорщащимися на макушке волосиками, подставляя лицо ветру, грубо пристававшему к моим отросшим льняным космам, я, точно в парную воду Светловки, погрузился в воспоминания.

Вот дощатая дверь книжного. Она открыта, но теперь мне не взбежать на невысокий порожек. За магазинчиком – кирпичные развалины бывшей милиции. Здесь пока не разместили торговые точки и склады.

Скользнула библиотека для взрослых и двухэтажные деревянные хоромы Дерюгиных. Их низенькая кругленькая хозяйка, Мария Николаевна, долгие годы работала в кинотеатре капельдинером. Супруг тёти Маши вместе с папой Васей служил в милиции. Он отличался выдающимся животом и неповоротливостью, являясь объектом беззлых хохмочек. Дерюгин бывал у нас по праздникам, и мы с Владленом мгновенно ухватили его медвежьё манеру раскачиваться, выставив молочное пузо с пупком-свистком, рвущееся из—под форменной рубашки. Иногда бабушка Аня, усмиряя безобразно раскапризничавшегося Владлена, смеясь, говаривала ему: «Владька, а покажи нам Дерюгина!», и вредничавший карапуз, сразу успокоившись, вскакивал, выпячивал брюшко и, деловито вышагивал, качаясь с боку на бок обожравшимся забродившей вишни хмельным енотом.

Дерюгин не отставал от коллег по части дерябнуть спиритус вини. Заезжая в выходные за батей, чтобы дёрнуть на подлёдную рыбалку, он сначала подмигивал тому, уморительно дёргая щекой и гулко хлопая себя по овчинному тулупу, а потом, увидев, что отец, пряча улыбку, кивал ему, заговорщически пыхтел. С пруда папаня возвращался навеселе, и привозил мелких смёрзшихся краснопёрых окунишек, хилых, серебристых чебаков и щурят. Речную рыбу я недолюбливал из—за её чрезмерной костлявости, предпочитая запечённую во взбитом яйце икру, или колючие солоноватые румяные плавнички. Даже из пирогов я выковыривал

на тарелку приятно пахнущие ломтики сома или щуки, и смачно, с хрустом, уплетал поджаристую, скользковато-ароматную от лаврушки, сдобу.

Миновали «Хлебный». В него завозили неповторимо-кисловатый сытный ржаной хлеб, бравшийся нами в кинотеатр напротив, на детский фильм. Сам кинотеатр покамест жив, да зрителей изрядно уменьшилось. В субботу мы с Веней ходили на авангардный «Дом под звёздным небом», и Ложкину он шибко не понравился, а я же, наоборот, пребывал в восторге от карнавальная экранной катавасии, от бесшабашного Абдулова и нежной Друбич.

За кинозалом, на берегу оврага, высилось продолговатое зелёное здание Дома Пионеров. Но пионерскую организацию скоро распустили, а помещение снесли, разбив на руинах жалкую пародию игровой площадки «а-ля благоустройство» с фигурками убогих лебедей из размалёванных лысых автомобильных шин, парой болезненных клумб и тощей песочницей.

Выше по улице – домина моего одноклассника, Ваньки Овечкина. Строение добротное, с высокими окнами, постоянно занавешенными тюлем, с крытым двором и неохватным тополом. Ванька кадрит «давалок» на дискотеках и бед не ведает, учится на механизатора в местной деревенской «учаге». Погибнет он по прошествии 22 лет, по пьяни, врезавшись на лакированной иномарке в опоры высоковольтной линии электропередачи.

Пока мы не подъехали к птичнику, в «Икарусе» было, несмотря на отсутствие пустых мест, относительно свободно. У птицефермы рейса в Тачанск всегда ожидало не менее двенадцати человек, и понедельник не являлся особенным и бесподобным днём недели. Поднялись новые пассажиры, нам пришлось потесниться. Меня передёрнуло, я не любил болтаться где—то в вязкой кисельной середине, без возможности за что—нибудь держаться. И для сего имелись веские причины.

В 1989-м дед с бабушкой бесплатно получили квартиру в Нижнем Тачанске, и мы с Ложкиным на уикенд ездили к ним. Въевшаяся в память поездка выдалась в апреле, перед одиннадцатой годовщиной гибели отца. Весь снег стаял, выбоины наполнились мутной жижей, деревья пробуждались и стряхивали гипнотическое наваждение февраля. День мы выбрали для вояжа не блестящий, хмурый, дождливый, и люки в автобусе были надёжно задраены. А народу набилось более, чем прилично. Подсаживающиеся на холостых полустанках люди разъединили нас с Веней. Меня затёрли в серёдку и стиснули со всех сторон. За час дороги стало невыносимо душно, голова моя закружилась, а лоб покрылся нездоровой испариной. И ни глоточка уличного воздуха, ни ветерка в этой консервной банке, еле-еле ползущей к городу. Стресс усугубляла осенняя куртка на меху, и сколько я её не расстёгивал, это не спасало. Я задыхался. Закончилось предсказуемо. Когда до Нижнего Тачанска оставалось около восьми километров, в глазах замельтешили чёрные мушки, ноги ватно подкосились, и я провалился во тьму. Сжатый с боков, я не упал на пол, но соседи, перепугавшись моего посеревшего лица, крикнули водителю, что «ребёнку фигово». Шофёр ударил по тормозам, и меня вытолкали подышать. В низине, у дорожного знака, ограничивающего скорость 40 километрами, у сиротливого ивняка я и расстался со своим скромным «ленчем». Вытерев губы бумажной салфеткой, просморкавшись и, глубоко вдохнув, я нырнул обратно. Видя, что, если я и почувствовал себя лучше, то не в полной мере, какая—то сердобольная тётушка в фиолетовом болоньевом плаще уступила сиденье, и я, сглатывая горечь, плюхнулся на него, услышав окончание предложения: «... я вижу, он белый, как привидение, и на меня заваливается...». Я не проболтался матери о происшествии, ей нашептали о нём её сослуживцы, ехавшие тем рейсом, и опознавшие в хлипком односельчанине сына Васи Максимова.

Это единственный случай, когда я почти потерял сознание, добираясь до Тачанска. Позднее доводилось путешествовать и во сто крат более тяжёлых условиях, но конфуз более не повторился.

В первый год после бабушкиного переезда в Тачанск, летом я наезжал к ним беспрестанно. Ложкин и я размещались на ночёвку в спальне-пенале с двустворчатым шкафом

и окном. Окно выходило на поле. Вдали, за рожью, виднелась тропка, протоптанная сквозь жилистые лопухи и горько-пряную полынь. И тропинка, и дорога, по которой в купальный сезон к реке пылили легковушки, рулили велосипедисты и группки полуобнажённых тачанцев с узорными полотенцами и надувными кругами, весело переговариваясь, шли позагорать и искупаться, вели к стёртой с топографических карт деревушке, насчитывавшей, от силы, хат десять, просвечивающий, полурастасканный на дрова сгнивший совхозный коровник у революционного кержацкого кладбища. От него рукой подать до дуги соснового мыса, и полумесяца безымянной речонки, впадающей в Тачанский пруд.

Остановившись у бабушки и дедушки, вечер, мы коротали за переключением каналов цветного телеприёмника «Темп», – вершины современной техники, – или радиолы «Спи-дола» с её «Голосом Америки» и «Свободной Европой». Мы фрондировали! В ту пору в Тачанске началось развитие муниципального телевидения, переполнявшего эфир поздравлениями, некрологами и голливудскими триллерами. В рамках тестирования крутили затрапезный сериал «Виктория» про рептилоидов, редкостную нудятину.

Кроме просмотра «Утиных историй», мы ребячились, и из чисто хулиганских побуждений скидывали с высоты, на проходящих внизу, небольшие камушки с розоватыми прожилками, сковырнутые с блочной стены. Ложкин припомнил рассказ Мандаринкиной, жившей на четвёртом этаже «сталинки» на центральном проспекте Тачанска. Она с подружками так же дурачилась невинным швырянием вниз, на спящих туда – сюда горожан, ракушек, собранных на речке, но для проказниц это даром не прошло. Хулиганили они в разгар праздничной первомайской демонстрации. Примерно через пятнадцать минут к ним постучался взмыленный участковый и застрашал их настолько, что они до вечера боялись сунуться на балкон.

Перед тем, как уснуть, я слушал смешную и восторженную трепотню Вени про учёбу. Он красочно расписывал аппетитных пышногрудых однокурсниц, с которыми флиртовал, колоритных преподавателей с пронырливыми тараканами в головах, и выказывал неподдельное довольство выбором профессии. Беспокоил его лишь «голяк» с жильём. Ложкин за родительский четвертак снимал комнату над ювелирным магазином «Алмаз» в доме у городского фонтана. «Домомучительница» неустанно докапывалась до любой незначительной чепуховины, и постепенно эта тягомотина перестала Веню устраивать. Вселяться на птичьих правах в общагу представлялось ему самоубийством, он признавал, что не выдержит чахоточного коммунального быта, ибо по натуре индивидуалист, а они в студенческих командах не приживаются. Вениамин нуждался в покое, калорийном питании и комфорте, несовместимыми с общежитием и с разгульными полуночниками выпивохами. Посему, взвесив варианты, Ложкин перевёлся на заочное отделение и закрепился в партийной библиотеке питерского совхоза, незаметно переименованной в рабочую, старшим библиотекарем вплоть до её ликвидации. К июню 1991-го, Вениа, опирающийся на определённую протекцию главреда пригородной газетки, обладавший несомненными литературными талантами и доброй репутацией, оформился в школу преподавать словесность.

Наезжая в город, мы выбирались в кино, в мат и смешки видеосалонов. К сожалению, интересы наши радикально разнились. Буйство гормонов тянуло Ложкина на эротику, и он рвался на «Царицу ночи», «Греческую смоковницу», «Американский пирог», а я хранил преданность боевикам и фантастике, открыв для себя эпопею про Джеймса Бонда, Индиану Джонса и персонажей Брюса Ли.

Увлечение Венечки «клубничкой» однажды сыграло с нами злую шутку. Очередной тупейший эротический фильм, на который Ложкин уломал меня составить ему компанию, запускали в 21:00. Мы попали на второсортную комедию с Бертом Рейнольдсом «Самое симпатичное заведение в Техасе», и я по давности не скажу о содержании, но зато припоминаю зал, битком набитый любителями приобщиться к высокоинтеллектуальной штатовской культуре, и что завершился сей «шедевр мирового кинематографа» в половине одиннадцатого. Ценители

обнажёнки по завершении воскресного сеанса ломанулись на остановку, где и без них столпилось полно желающих поскорей перенестись в уютные спальни и кухоньки, навёрнуть омлет с ветчиной и «Жигулёвским» из холодильника, и по-барски вытянуться после душа на перевозанных простынях. Будто назло, немногочисленные автобусы, утрамбованные до предела, у кинотеатра не задерживались. Стемнело, когда мы буквально чудом без мыла втиснулись в «ЛАЗ», следующий в частный сектор, мимо причала, к трамплинам у базы отдыха.

Вывалившись из салона у развилки, мы с Веней стремглав бросились к притормозившему недалече «ЛиАЗу», на нём могли бы доехать до дома. Но стоило нам подбежать к диковине отечественного автопрома, корыто, до отказа набитое людьми, висящими на приступке, просев, медленно и натужно отчалило во мрак, мигнув напоследок красными зенками фар. Более транспорта не предвиделось до утра.

Паникуя и костеря Ложкина на чём устроен свет, я пошкандыбал вслед за ним по шоссе. Четыре километра по плохо знакомой местности! Новые приключения неуловимых... Я случайно в декабре и днём—то в том нагромождении высоток заблудился, правда, в непроглядную вьюгу, в метель. Ближние новостройки скрывались за снежной пеленой. А тут чёрт рога своротит...

Складывалось ощущение, что Веню сложившаяся ситуация малость забавляет. Оттопав треть пути прямо по ровной однообразной трассе, я предложил размяться и пробежаться рысцой. Но Ложкин заартачился, и после череды непродолжительных препирательств, я, и без того обозлённый, цыкнул и помчался, оставляя приятеля позади. Повлияло раздражение, желание досадить, стремление быстрее окунуться в безопасность. Вениамин что—то кричал, а я в ответ притворно бодро поторапливал отстающего: «Давай, догоняй». Он, однако, и не подумал ускоряться.

Натолкнувшись у трамвайного депо на нетрезвую хохочущую кодлу, распивавшую на крыльце пиво из трёхлитровой банки и брэнчавшую ни гитаре, я пожалел, о решении рвануть в одиночку, но парни благодушно хохотнули: «Э, чувак, спортсмен, что ли?» и, получив утвердительное: «Ага», искренне заржали и вразной заголосили вдогонку: «Спартак – чемпион!»

Родственники окучивали картошку и пропалывали овощные грядки в Питерке, и я, запыхавшийся, воспользовался запасным ключом. Блаженно разметавшись на антикварном продавленном дедовском диване, я хлебнул наскоро согретого чая без сахара, умылся и почистил зубы. Тут—то и нарисовался Ложкин. Я начинал тревожиться, как бы с Вениамином чего не вышло и, узрев его всклокоченным, но целым, здоровым, выдохнул. А он, не говоря ни слова, выпил полстакана отдающей фтором воды из—под крана, вытащил из кладовки раскладушку, разложил матрац и подушку и, что—то обиженно бухтя под нос, не реагируя на распросы, рухнул спать, справедливо считая, что я его предал.

За завтраком из макарон с кетчупом, подрумяненных на сковороде сосисок, состоялось бурное объяснение. Никто не поступился мнением. В собственной правоте я и тогда был не уверен, и поныне сомневаюсь. В самом деле, я не уговорил Ложкина перейти на бег, и, по совести, полагалось оставаться рядом с товарищем. Но я не извинился. Часто в запале спора не удавалось совладать с присущим мне азартом нигилиста и резонёра, с безосновательной ослиной безусловной убеждённой допуская несостоятельность доводов, я нахально отстаивал ошибочную точку зрения. Энное количество лет спустя набравшись храбрости, я раскаивался в излишней запальчивости и уверялся в сомнительности поступка. Сопливых вовремя целуют...

Мы удалялись от Питерки, и мною овладевала внутренняя неуверенность, дрожь в руках. Меня накрывало бессилие, если намечалось общение с чужаками, с незнакомцами. Я долго не решался, сооротив харю кирпичом, открывать нужные двери пинком, громогласно заявляя о своих претензиях, как неподражаемо отчебучивал Ложкин, везде чувствующий себя гос-

подином положения. Мало-помалу я и вовсе впал в ступор, вяло противодействовал тычкам в поясницу, производимым протискивавшимися к выходу, и сосредоточился на переживаниях. Не последнее место в них занимала периодически всплывающая искуссительная идея: «А, может, ну его нафиг, этот Тачанск, институт и истфак. Усвистать с вокзала домой?». И колебания, на что решиться, то ли выйти у моста, то ли с насупленной бычьей решимостью проехать до конечной, ни к чему не приводили. К счастью, панические соображения не учитывали фактор Венечки, который ни в жизнь не позволил бы мандражирующему спутнику слинять, и запросто мог выдернуть трусишку-зайчишку из людской массы и пенделем нацелить на ВУЗ, приговаривая: «Ты, чувак, *банулся?»

Протолкавшись ко мне, Веня предупредил:

– Готовься, следующая наша.

– Как? Неужели? – невнятно просипел я.

– Что? – не понял Ложкин из—за рокота мотора и, отклонившись к кабине водителя, пробасил:

– За шлагбаумом, пожалуйста!

Усталый желтобокий «Икарус» замер, шикнул «Пшли вон!», и цинично выплюнул на тротуар нас с Веней и двух девушек, моих вчерашних одноклассниц, Варёнову и Зудилину, девиц самовлюблённых, неуживчивых, вредных и склочных. Поглощённый ностальжи мыслями я не интересовался творившимся вокруг, не приглядывался к окружающим.

Мы вежливо кивнули друг другу, произнеся ни к чему не обязывающее: «Привет!» Я неторопливо, растягивая время, достал сигарету, размял её, прикурил с четвёртой спички, прищурился от удовольствия и удостоился неодобрительного хмыканья Вени. Он дождался, пока я, рисуясь, выпущу струю дыма и резво направился к светофору. Варёнова и Зудилина мелькали абстрактными мазками вычурных платишек далековато, и перспектива угнаться за ними не просматривалась ни в малейшей степени. Но мы и не жаждали играть в догонялки.

Перебравшись через дорогу, мы нырнули под циклопическое сооружение путепровода и вышли к одноэтажным домишкам, выстроившимся волнорезом у мостовой. Ясени, ронявшие на землю скукоженные, пожухлые от аномальной жары и загазованного воздуха, листья, не заслоняли кронами столбы вишнёвых дымов, распространявшихся по небосводу грязным ядовитым лиловым пятном. Растительность практически не давала тени, я счёл за благо стянуть пиджак, небрежно повесить его на согнутую руку.

– О! Давно бы! – одобрил мои действия Веня.

– Жарко... – оправдываясь, отмахнулся я.

Припекало. Мы убыстрили шаги, стремясь добраться до благословенной, как мне думалось, прохлады институтского фойе. От гнусной ядрёной сигареты с кислинкой жжёного пластика, что я выкинул в придорожную канаву не докурив, во рту появился привкус полыни, хотелось непрерывно сплёвывать, но слюна куда—то пропала. Я мечтал о запотевшем стаканчике банальной минеральной воды или газировки.

Мчавшиеся мотоциклы, маршрутки, грузовики тащили за собой неперменные шлейфы пыли, оседавшей на кустах, бурой траве и на наших с Веней туфлях и брюках. Мы пропустили поток машин и, пользуясь моментом, стряхивая песок с потерявших парадный лоск штанов, перебежали магистраль напрямиком к жёлтому фасаду образовательного учреждения. Справа от него располагался импровизированный парк у озерца и приземистые учебные мастерские. На парковке переводили дух ухоженная «Волга» цвета металлик с усом-антенной, голубой «жигуль» с зашторенным задним стеклом и «уазик-буханка» медицинской службы.

В тамбуре для двойных дверей, стояли выгребные бетонные урны с окурками, разорёнными сигаретными пачками, конфетными обёртками, фольгой, мусором.

Фойе встретило не прохладой, а липкой духотой. В ожидании наплыва молодняка, администрация распорядилась расставить у стен скамейки. Главный корпус отделили от холла

чугунной узорной решёткой до потолка. Слева, у панно, специально для абитуриентов разместили столы. За ними заполняли анкеты. Царило оживление, слышался неумолчный прибой голосов. Скамьи оказались заняты, на них сидели студиязусы, рефлекторно мнущие тетрадки, девчонки, ласкающие красотой предпочтения искушённых обожателей слабого пола, смотрящиеся в зеркала филигранных косметичек, лихорадочно роющиеся в сумочках и безостановочно шепчущиеся.

Крепкая грузная светловолосая вахтёрша средних лет темпераментно беседовала по телефону, жестикулируя поглаживая переносье, словно предполагала чихнуть, но тушевалась при посторонних.

Моё внимание привлёк пришипленный к информационной доске большой баннер из ватмана, извещающий, что приём документов осуществляется в кабинете №2.

Веня хамовато и по-свойски подтолкнул меня к сотрудницам, спасающимся от экваториальной истомы включёнными вентиляторами, и мажорненько пафосно возгласил:

– Здравствуйте, девушки! Заявления вы принимаете?

– Добрый день, – ответила обаятельная скупающая томноголосая шатенка, – А Вы на какой факультет?

Трое других мамзелей сверяли выписки, стопками лежащие на тумбочках.

– Да это не я! Вот он.

Ложкин потрепал меня:

– Что молчишь? Не в гестапо. Говори, короче!

Я уточнил наименование факультета.

– Лен, дай молодому человеку бланки и образцы. В скоросшивателе. Вас как зовут? Сергей? Вы, Сергей, данные внесите по шаблону. У Вас ведь аттестат при себе? Замечательно. Дайте—ка. Гм, порядок. Военный билет? Отлично. Теперь, Сергей Васильевич, в коридорчике оформите формуляры и принесите их нам. «Я, такой-то, прошу зачислить меня...» Ручка у вас есть?

Помня, что её—то я и забыл взять, я хлопнул по карману и скорчил гримасу голодного шимпанзе, обманувшегося в лучших ожиданиях.

– Возьмите! – благожелательно протянула мне шариковую ручку Радужная Ирина Михайловна. Имя было напечатано на бэйджике, ластящемся к отвороту её фривольного фланелевого жакета. – И, убедительная просьба – вернуть, а то одну сегодня рассеянная с улицы Бассейной прихватила... Разорение сущее! Не напасёшься... Всё, удачи, жду Ваши документы!

Я, аж взмокший от нервного напряжения, воспитанником Карабаса Барабаса сомнамбулично прошёл к пустующему столу.

– Эй, страдалец, тебе помочь или не мешать? – развязно спросил Ложкин.

– Без желторотиков справлюсь, ничего сложного...

– Ты пиши, а на филфак сгоняю. Гляну, что там и как. Разведу оперативную обстановку! Я мигом.

И Веня исчез.

Развернув бумаги, я скопировал в них сведения паспорта и аттестата. Руки прегаденько дрожали, а буквы, и в обычных-то обстоятельствах корявые и непослушные, прыгали и падали ранеными бойцами.

На корпение с бланками ушло минут двадцать. Я сконцентрировался, перестал трястись и с карточками отправился к Ирине Михайловне, чуть позорно не оставив на парте её драгоценную ручку.

Радужная копалась в описях.

– Хорошо. Верно, вроде бы... А здесь у нас что? Копия... Ах, какой оригинальный почерк! Вам бы в медики, в терапевты!

Она вскользь проглядела поданные листки:

– Аня, сравни с оригиналом и зарегистрируй.

Читала Аня, шевеля пухлыми губами, вздыхая и поднося текст к глазам, теребя мочку уха, s-образную серёжку. Черкнула отметку в журнал, изготовленный из амбарной книги.

– Всё правильно, Ирина Михайловна! – обратилась Аня к начальнице.

– Чудесно. Значит, Сергей Васильевич, внимательно выслушайте. Двенадцатого числа детализируете, принята ли заявка. Заодно выясните расписание вступительных экзаменов. – Она улыбнулась. – Ясно?

– Ясно. Спасибо огромное. До свидания!

Внутренне я ликовал. Грядущее приобретало конкретные очертания.

– До свидания!

Выходя, я столкнулся с поджидавшим меня Ложкиным.

– Закончил?

– Ага, отстрелялся...

– Я тоже разузнал, что хотел. Надо снова ехать во вторник.

– Хех, и мне во вторник...

– Круто! Скооперируемся.

– Пошли чё ль... На автобус постараемся попасть, на 16:40.

– Не, я не поеду на 16:40, – удивил Веня. – Я – к Мандаринкиной. Схожу, потискаю. Мамаша у неё в ночную. Один доедешь. А до вокзала на трамвае доберёмся... Билет—то купишь?

– Куплю, ноу проблем.

– Ты, пень болотный, выпрямись, не горбись, а то, как из леса вышел, цивилизации пугаешься. В городе не станешь наглеть, ничего не добьёшься... И тёлки обожают грубиянов.

– Это так, с непривычки...

– Всё у тебя с непривычки! Обретай привычку, воспитывай характер.

Пройдя у парка, мы свернули к домику с черёмухой, с бордовой кирпичной трубой, с затворёнными наглухо ставнями и плоским замком на калитке.

– «Районная заготконтора Питерского округа», – прочитал я полинявшую вывеску над почтовой прорезью.

Сама родилась ехидная мыслишка: «Ишь, забралась! И чего они в Тачанске заготавливают? Рога и копыта?»

Веня пёр буром, не оборачиваясь и не проверяя, следует ли за ним его визави. Наконец, я подстроился под размашистый темп Ложкина, и мы продолжили движение по бугристому, растрескавшемуся асфальту.

– Тут и будешь бегать на трамвай и с трамвая, – пояснил Веня. – Можно, конечно, и по набережной, но пешком придётся топтать.

– А остановка? Не проще колёс дожидаться?

– Хрен знает. Попробуй. №71. Он появляется в час по чайной ложке. Жди, стой, до морковкина заговенья.

– Тогда, разумеется, лучше уж на трамвай.

Веня запомнил добавить, что тот курсирует не каждые пять минут, а существенно реже, и дожидаться его требуется на обочине, т.к. оборудованием комфортной стоянки не озаботились.

Мы шли мимо огородов с суровыми российскими заборами, за которыми маячили немудрёные теплицы; возле не по-сельски, не по-крестьянски обихожённых изб с обязательными каменными гаражами и безупречными оградами. Картинка напоминала карамельную буколическую улочку достаточно зажиточного и благоустроенного европейского поселения. Заслышав нас, за плотно запертыми воротами гавкали и бесновались, гремя цепями, матёрые и прелзлющие собаки.

Я заметил бродящих за палисадниками упитанных кур, а в одной из подворотен на травке блаженствовала коза, приветствовавшая нас протяжным депрессивным меканьем и брэнчанием ботала. Для полной аутентичности недоставало коровы с телёнком, овечки или лошади, а так – пригородная идиллия, пастораль, нарушаемая шуршанием машин по шоссе.

Дорожка спускалась к мосту, соединявшему глинистые берега неглубокой речушки. Он сооружался в середине века, ржавые металлические перила выгнулись и, хотя бодрились, доверия не внушали. Русло непролазно зарастала ивой, камышом, осокой и крапивой, а с края ввысь возносились липы с частично оголёнными корнями.

«Осенью у воды, наверное, сказочно. Синь, отражающаяся в глубине, побуревшие листья. Ими, перекатывая, шебаршит северный ветер, сбрасывая отслужившее убранство в стремнину...»

Меня потянуло на лирику. Впечатление не испортило и то, что снизу подозрительно несло серой, хлоркой и хозяйственным мылом. Я подёргал носом, поморщился.

– Речка—горячка, – внёс ясность Ложкин.

– Почему «горячка»?

– Горячая она. В неё предприятия сливают отходы, и зимой она не замерзает. Парит, всё в тумане, а на деревьях ажурный иней. В стужу невероятно красиво.

Когда мы переправились через мостки, Веня пообещал:

– В горку поднимемся, там поцивильней. Здесь, вообще—то цыганский «гарлем». Будут лайками золотозубыми заселён. Противный закуток, в потёмках зарежут за носовой платок. И чего с этой нечистью горком валандается? Выселить и харэ! Табор уходит в небо.

Превратное и однобокое представление о свободолюбивой, благородной и необузданной народности сформировалось у меня исключительно по экранизации романа «Цыган», регулярно транслируемой по ТВ, и ответить корешу было нечего.

Выйдя к неровной брусчатке и, проскочив её, очутились на трамвайной линии. Островерхим скворечником торчала будка с буквой «А» и обрывками объявлений о сдаче комнат, продаже несущек, горбыля, перепелов и доставке коровьего навоза.

– Если студентов порядочно скапливается, какой—нибудь водила тормозит деньгу подзашибить, подбирает. Хлебалом не щёлкай, смотри внимательней, и держи хвост пистолетом, – остерёг Ложкин.

Красно—белый, дребезжащий трамвайчик покачиваясь и погромыхая выплыл из—за поворота, проскрежетал под железнодорожным акведуком.

Пихнув в прозрачный плексигласовый ящик две трёхкопеечные монетки, Ложкин повращал колёсико и оторвал квадратные билетки.

– Подстрахуемся. Контролёры частенько шерстят. Оштрафуют.

Последующие остановки сидели в безмолвии. Ложкин просчитывал что-то своё, а я с любопытством озирался.

– Поедешь, улицу не проворонь, а то увезут на Вишнёвку, заводы или в депо. Её сложно проморгать, много молодёжи слазит, – наставлял Веня.

– Ясно, – согласился я. – Слушай, выручи, подбрось мелочишки. Водички охота, а у меня одни рубли. Я отдам, не переживай.

Веня позвенел брелоком, выудил горсть меди. Поковыряв в ней пальцем с холёным ногтем, выдал пятак:

– На! Ого, как раз и вокзал.

– Зайдёшь вечером? Я полбутылки портвейна заначил. В подполе... Чтоб не скисло... Оттянемся.

– Не обещаю... Успею на девять-тридцать, так завтра заскочу, расскажу, как я всласть с Мандаринкиной покувыркался. Вдруг подфартит сёдня, и она даст...

Мы обменялись рукопожатием, я спрыгнул на раскалённую жаровню привокзальной эспланады, махнув корефану на прощание.

Перемещение моё в Питерку не отметилось никакими событиями. Простившись с Ложкиным, я устремился на автовокзал, где, перво-наперво, кинулся к автомату с лимонадом, протолкнул в узкую щель одолженную у Вени денежку, выждал, пока в гранёном стакане уляжется пена, и полегоньку, смакуя, выцедил приторный напиток. Когда от сладкого потянуло пить, понял, – следовало ограничиться чем-то нейтральным.

Функционировала одна из четырёх касс и справочное бюро. В просторном здании вокзала, как водится, господствовал первобытный хаос. Возвращающиеся из города в близлежащие селения, по неясной мне причине, предпочитали Питерский маршрут, игнорируя прямые рейсы до родных населённых пунктов. Относительная дешевизна бензина позволяла кататься в Тачанск на рынок, в универмаги, в цирк. Результатом упомянутой неразборчивости становилось то, что питерский «Икарус» штурмовали, подобно Рейхстагу, ломясь сразу в три двери. Сиденья занимали те, кто проявлял ловкость акробата, поактивнее прочих елозил локтями. Билеты на входе не предъявляли. Водитель выпускал пассажиров, тщательно следя за проезжими. В итоге автобус, отходивший забитым, в Питерку прибывал с десятью измотанными зевающими путешественниками. Остальные сходили в первых деревнях.

Промучившись 30 минут, наслушавшись сплетен, проклятий, свежайших известий о садовых заботах, политике, Союзном договоре, хохлах, бульбашах, Грузии и Прибалтике, популярных анекдотов про Горбачёва и старческого ворчания по поводу неизбежных толкучек, давок и диспетчеров, балующихся в неподобающие часы чаем и кофе, я потащился на перрон. В переходе в нос шибало жуткой вонью из мужского туалета, вызывающей непроизвольные чихание и кашель.

Обмахивающиеся газетами, пакетами, люди выстраивались в спонтанную очередь, размазываясь по площадке отправления муравьями, готовыми наброситься на парализованную гусеницу. Я пристроился к сборищу, чтобы подхваченным толпой пробраться в салон. Не прельщало утрамбовывать застрявших на подножке граждан, проталкивать их и просачиваться самому. Я дерзнул пересчитать страждущих попасть на питерский рейс, на тридцатом сбился и попустился. Дядьки с увесистыми громоздкими вещмешками, женщины со свёртками, саквояжами и детьми, хнычущие ребятишки разных возрастов, они слонялись, подыскивая наиболее выгодные позиции, и вести бухгалтерский учёт среди ералаша и бедлама не имело смысла.

После полудня солнце, сорвавшись с привязи, обращает улицы и закоулки в духовку, и только на закате власть его идёт на убыль. Впрочем, у нас нередко и ночь не приносит заметного облегчения. Она заставляет, обняв тюфяк, переползать с постели на линолеум. Но и тут благодатного холодка нет. Приходится распахивать окна, пытаясь создать видимость сквозняка. А сверху пикируют комары, не дающие кровожадным звоном отоспаться для рабочего дня.

Объявили «сто двенадцатый», и почтенная публика заволновалась, встрепенулась, превратившись в единый организм, мобилизовавшийся к выполнению боевой задачи. Отдельные хитровыструганные индивиды тихой сапой перемещались на проезжую часть. Билетёр раздосадовано пожестикуюлировала и передала шофёру ведомость в форточку.

«Икарус» взревел, кашлянул удушливыми клубами выхлопа. Я мысленно возблагодарил Вседержителя, – транспортники расщедрились и выделили сдвоенный автобус. Тревожно гудя, пилигримы ульем растревоженных пчёл ломанулись к «гармошке». Меня отёрли к колесу, и я озлобленно продирался вперёд, радуясь, что не поволок с собой сумку. Крупную особу лет шестидесяти, катившую на роликах раздутый рюкзак с провиантом на треть коллективного сада, двое неунывающих мосластых мужичков вдавили внутрь, переругиваясь, запульнули туда и её груз, зацепившийся за ступеньки. Не растерявшаяся оборотистая бабка, надсадно охая и плаксиво повторяя: «Да, что же такое, бабоньки?! В Писании сказано: «И оплетут небо про-

водами, и меченый Антихрист низвергнет Расею в ад!», поправив сдвинувшийся аляповатый платочек, смахнув с ресниц слезинки, со стоном бухнулась в жалобное скрипнувшее под ней кресло, слегка навалившись на брезгливо зашипевшую девушку в солнцезащитных очках.

Беспардонно подопнув перегородивший проход бабкин скарб со стиральным порошком и рулоном обоев, я, не мешкая, вылавировал к дальней стенке и у зашарканной запаски прикинулся ветошью. Вольный стрелок волочился мишурой по периметру волчьей ямы. В памяти всплыла услышанная на кассете Алика Светлова изысканно-аристократичная композиция Стинга:

*«Modesty, propriety can lead to notoriety
You could end up as the only one
Gentleness, sobriety are rare in this society
At night a candle's brighter than the sun»⁵*

– Паренёк, будь любезен, прикрой люк. Не хватало двусторонней пневмонии, – прервала мою медитацию, рассеявшаяся неподалёку тётка со странно шевелящейся застиранной олимпийской сумкой.

– Э, э, пацан, не вздумай! Не надо, не закрывай! – яростно заорали отовсюду. – Пусть обдувает. Дышать же нечем!

Фемина оскорблённо смяла ромашковую панаму, водворила ни в чём не повинный головной убор на кудри с проседью, глянула в карманное зеркальце и осторожно потянула за молнию спортивной сумки. В образовавшемся отверстии молниеносно показалась рыжая кошачья морда с белыми усищами и выпученными маревыми глазищами, одуревшая от сумрака и толчков.

– Мья—я—яа—уууу! – истерически завывала она.

Некоторые обернулись на ор, приязненно и сочувственно разглядывали рвущегося на свободу кошака.

– Голова профессора Мьяуэля! – засмеялся стоящий вблизи мужчина с седоватыми прокуреными усами и редкой шевелюрой. Протянув руку, он собирался взерошить рыжику загривок. Зверь загнанно прижал остроконечные уши, оскалился и заурчал. Усач отпрянул.

– Не трогайте его! Он и без вас напуган! Барсик, Барсик, домой приедем, я тебя сметанкой накормлю! – чудачка в шляпе с нежностью погладила любимца, и отшила окружающих:

– На дачу везу, тяжело ему в городе, исхудал, шерсть клочьями облезит. На природе, на травке, на полянках порезвится.

– Мьяяяя! – протестующе продолжила незапланированный концерт рыжая усатая мордуленция. Гранд-дама в панамке ладонью ловко втокнула её внутрь, и вжикнула замком, проделав комнатному тигру отдушину. Из неё немедленно высунулась полосатая лапа и принялась когтями грабастать пространство, надеясь во что—нибудь вцепиться.

– Барсюля! Сиди спокойно! Не безобразничай! – щёлкнула панамчатая по боку.

– Мряв! Шшшш! – выругались там, но затихли. Лапа под желчное брюзжание втянулась в баул, опасно шевелящийся и норовящий съехать на пол.

Я с иронией взирал на аттракцион. В детстве с нами рядом всегда находились Мурзики, Муси, Васьки, Тишки. Даже Барон был. Мать предпочитала котов, справляться с копошащимся потомством, топя новорождённых в ведре, мало кому доставляет радость. Они держались независимо и могли по неделе не возвращаться с гулянки. Приходили ободранными, отощавшими и измученными, наедались и загружались дрыхнуть без задних лап. Просыпа-

⁵ «Скромность и порядочность редко приводят к славе, Это верная дорожка к одиночеству. Мягкость и воздержанность не стоят и гроша. Будь свечой в ночи, и тьма не поглотит этот мир». Sting. *Englishman in New York*.

ясь, они потягивались, заглатывали двухдневную норму еды, и сваливали на поиски приключений. Зимой оглоеды похрапывали у тёплой печки, набираясь силёнок к весенне-летним вакхическим похождениям. Толку от животин было с гулькин клюв, но они чуточку развлекали меня и брата. Никто из живших с нами зверюг не умер возле хозяев. Лишь Васька, бабушкин кот, скончался на наших руках. Этот нуаровый раскормленный котяра, мускулистый, неизменно исцарапанный, с драными ушами и упрямым нравом, не ночевал дома, со злобным утробным воем гонял мелких псин и соседских котов, и вместе с тем по—особому добро мурчал и жмурился, когда мы мяли его короткую искрящуюся шубку. Он уважительно притаскивал на веранду пойманных и придушенных землероек, синичек, ящериц, и эта неудержимая страсть к ловле и сгубила кота. В январе Ложкины травили крыс, и кот сожрал отравленного грызуна. Несчастливого Ваську рвало кровавой желчью. Мы вливали в него несколько ложек кипячённого молока и он, постанывая, засыпал на коврике. На третьи сутки он отбыл в страну кошачьего вечного лета. Я растерянно гладил отяжелевшее тело, а дед, закутал Ваську в ветхое покрывало и унёс. Я не спрашивал, куда он дел умершего, навряд ли старик захотел бы вдаваться в детали.

Последнюю кошку, Мусю, короткошёрстную модницу-сковородницу черепаховой масти, с крючком на конце хвоста, добродушную, восхитительно ловившую мышей, заживо сжёг уха-жёр матери. Он, ненавидевший Муську всеми фибрами своей бесовской душонки алкоголика и уголовника, сложил народившееся семейство в картофельный куль и уволок его в школьную котельную. В курсе ли происходящего была мать? Скорее всего, да. Нас, малышей, до поры ограждали от трагического, для нас Муся ушла и её украли.

О свершившемся далее я узнал от кудрявого гоготуна Гули. Его батяня ворочал уголёк в той кочегарке. Итак, в банную субботу Петрович, дыша перегаром, приволок мешок в котельную и попросил у дежурных разрешения за чекушку сжечь старые полусгнившие шмотки. Топку нехотя отомкнули, и он метнул в неё поклажу. Изнутри раздались дикие, почти человеческие вскрики, и заслонку приоткрыли. Из огня, дымящейся кометой с воплем выскочила обожжённая до мяса кошка, заматавшаяся по бытовке. Все опешили. Кочегарка из—за жары не запиралась, и обгоревшее животное сигануло в заросли ракитника, и оставив запах палёной плоти. Шокированные кочегары прогнали живодёра взашей, погнушавшись его водки. О сцене у топки Гуле растрезвонил папаша, а я преисполнился смелости и задал смешавшейся маме Зое вопрос, с чьего ведома это произошло.

– Серёж, о чём ты? – смутившись, но не отводя глаз, отрезала она. – Впервые слышу!

В ту секунду сомнения меня покинули, – она была прекрасно обо всём осведомлена.

В Питерку автобус доставил меня аккуратно к начальным титрам «Санта-Барбары». Любвеобильный адвокат Мэйсон Кэпвелл, поигрывая бровями, пикировался с коварной Джиной, разводил шуры-муры с простодушной Джулией, а я переодевался в домашнее и посвящал мать в подробности тачанского турне и в забрезжившие перспективы. То ли от выкрутасов погоды, то ли от волнующих пертурбаций, подскочило давление, и я, намахнув кружку душистого отвара пустырника с донником, уединился и прилёг отдохнуть, унимая мучительное и обезмысливающее токанье крови в затылке, висках.

Ложкин не появился. День, озаменованный определением моего будущего, заканчивался слабеющими нитями заходящего солнца, перетряхивающего и вносившего в реестр лангольеров червлёную позолоту пылинок на шторах и сусальную бахромку рябинового абажура избушки, где мне отмерялось жить совсем немного неумолимого времени. Времени, плескавшегося внутри меня бесконечным, неизведанным и неисчерпаемым океаном.

2А. Но ты прошла, не глядя на меня...

*Каково тебе одной
В этом городе постылом?
А. Дементьев.*

Очевидно, парни, сошедшие с трамвая вместе со мной, спешили, поэтому достаточно быстро превратились в расплывчатые фигурки, двигавшиеся далеко впереди, а вот высокая девушка шла не спеша. Я, в свою очередь, также не торопился обгонять её, вдыхая лёгкий, дурманящий, сладковатый аромат духов, долетавший до меня и, не отрывал взгляда от её широких бёдер под тёмной обтягивающей юбкой, от волнующей, чётко прорисованной талии и рассыпанных по плечам завитков русых волос. Красотка грациозно вышагивала, двигаясь, будто бы по ведомой одной ей линии, но неожиданно споткнулась, скорее всего, зацепившись носком туфельки за выступающий посреди дорожки, бугорок. Она остановилась, присела, зажав под мышкой блестящую чёрную сумочку, и стала рукой проверять сохранность обуви.

«Ну, правильно, видит плохо», – подумал я.

Тут мне не оставалось иного, кроме как обогнать замешкавшуюся барышню и, проходя мимо, я чуть повернулся в её сторону, пытаюсь получше рассмотреть лицо споткнувшейся, запомнить его.

«Ух ты! А, ничего! Очень ничего!» – подумал я, отметив высокий лоб, тонкие брови и правильный нос. Подробности я не успел разглядеть и смущённо отвернулся, едва девушка, завидев прохожего, бросила недовольный взгляд в мою сторону, но при этом кокетливо поправила причёску, откинув назад мешающие ей локоны.

«Эх—эх! Её бы ноги да мне на плечи. Я бы ей отдался!» – на ум пришло любимое выражение Куприяна Южинова, которое он обычно вещал, печально глядя вслед какой—нибудь девице в короткой юбке, аппетитно вышагивающей впереди нашей компании, возвращающейся с лекций.

Спускаясь вниз, к речке, я намеренно сбросил темп, надеясь, что попутчица нагонит и обойдёт меня, и я снова смогу наблюдать за её грациозной походкой, но ожидания мои не оправдались. Оглянувшись несколько раз, я с унынием отметил ещё большее отставание девушки. Она старалась, словно нарочно, двигаться всё медленнее и медленнее. Таким образом, когда я пересёк мост и принялся подниматься вверх по тропинке, вдыхая запах слегка влажноватых досок заборов, слушая повторяющийся крик петуха, попутчица моя только начала приближаться к ступенькам, ведущим на переправу. И тогда я зашагал в полную силу, уверившись в отсутствии смысла дожидаться не желавшую меня догонять кралю.

Рисунок: Виктор фон Голдберг

А, в общем—то, спешить особого не требовалось. Сегодня, по расписанию, второй парой у нас стоял семинар по средневековью, затем лекция по истории родного края, да общее собра-

ние курса, где декан и преподаватель археологии собирались донести до студентов информацию о летней практике. Мы знали, – это будут обычные рутинные археологические раскопки. На них второкурсников возят каждый год. До конца первого, самого трудного, учебного года оставалось всего ничего, посему на раскопки нам предстояло отправиться уже в качестве студентов второго курса. Проводились изыскания в Лесогорье, в неглубоких пещерах, относящихся к каменному веку. Пещеры эти находились прямо в высоком, поросшем сверху сосновым лесом, скальном берегу широкой и спокойной реки Лады. С Лады отверстия трёх пещер смотрелись небольшими сырными дырками, нарушавшими однообразие берегового пейзажа. Преподаватель археологии, Борис Юрьевич Сорокин, основываясь на своеобразии лесогорских находок недавно защитил кандидатскую диссертацию.

Будучи фанатиком любимого дела, Борис Юрьевич отдавал ему все силы, время и здоровье. Высокий и худой, лет сорока пяти, он выглядел гораздо старше реального возраста, чему способствовала обильная седая щетина, покрывавшая его щёки и подбородок. При небольшом преувеличении, её легко можно было назвать бородой. Отрастил её Сорокин не просто так, не от нежелания бриться, а после того, как лет десять назад подцепил на раскопках энцефалитного клеща. Отделался Борис Юрьевич сравнительно легко, однако, у него появились проблемы со слухом. Особенно пострадало правое ухо, поэтому, принимая зачёт, Сорокин обычно поворачивался к отвечающим – левым, и просил студентов произносить слова погромче. Сам он, даже читая лекции, говорил блеклым однообразным голосом, и выделить главное в потоке материала оказывалось непросто. А борода призывалась скрыть проблему с лицевым нервом, вследствие коей правую часть лица чуть заметно перекосило. Подчас казалось, будто Сорокин непрерывно иронично улыбается.

Бориса Юрьевича безмерно уважали за многочисленные заслуги, и одновременно боялись за строгость и требовательность. Ходили пугающие легенды, как неназванные студенты, неплохо постигавшие спецдисциплины, именно археологию пересдавали по пять раз. Никаких «автоматов» он не признавал, и принимал зачёт в холодном полуподвальном кабинетике с полками, заваленными таблицами, старыми книгами, непонятными дырявыми косточками, странными черепками. Наиболее почётное место в центре коллекции занимали два пожелтевших черепа и несколько шершавых берцовых костей. Обращая наше внимание на эти предметы, Южинов, однажды, похлопав меня по плечу, ухмыляясь, и потирая руки, ехидно выдал:

– Вот не сдашь археологию, и твой череп тут появится! Ахахаха!

И заржал, откинув назад голову, демонстрируя крепкие белые зубы.

Я уже упоминал, – с первого раза сдать зачёт Сорокину у меня не вышло. Плохо утешало, что в подобной ситуации оказалась треть курса. А треть этой трети завалила и пересдачу. Но я как—то смог на повторной сдаче, всё—таки извернуться и воспользоваться «шпорами», коими буквально обложился под одеждой, готовясь к решительной схватке. Впрочем, вероятно, Борис Юрьевич, просто не стал докапываться до моих весьма сомнительных, при ближайшем рассмотрении, утверждений, касающихся характеристик некоторых периодов. Он, подперев ладонью подбородок, грустно выслушал ответ, не отводя своих, кажущихся большими на таком худом лице, глаз, затем, не задавая вопросов, печально полистал зачётку, вздохнул и расписался в ней, проставив отметку о сдаче.

Сегодня Сорокин собирался подробно проинструктировать нас о предстоящей поездке, намечавшейся на конец июня – начало июля, продиктовав перечень всего, что нужно будет захватить с собой в дорогу, от еды до одежды.

Когда я притормозил у недавно открывшегося напротив института ларька, где продавалась всякая всячина, характерная для того периода развития частного предпринимательства, намереваясь купить бутылку минералки, то, ожидая сдачи, бросил взгляд в сторону, откуда должна была появиться понравившаяся мне особа. Однако, она не показывалась, поэтому я

разочарованно ссыпал мелочь в боковой карман пиджака и, звякая монетками, перебежал дорогу.

На крыльце корпуса я заметил неторопливо прохаживающуюся туда—сюда, одинокую фигуру Вали Быкова, носившего прозвище «Бык». Валя соображал туго, очень точно соответствовал прозвищу, и нисколько на него не обижался. Мы с «Быком» учились в одной группе. Валя имел широкие плечи, рост чуть выше среднего, короткие густые волосы зачёсывал назад, одевался модно, и часто улыбался, скрывая за обаятельной улыбкой отсутствие знаний по большей части дисциплин. Улыбаясь, он мог смущённо прикрывать ладонью глаза, разыгрывая раскаяние и смущение.

Завидев меня, Валя оживился и призывно замахал правой рукой. Я поддерживал с ним хорошие отношения, мне импонировала его доброта, да ещё незамысловатая наивность, на фоне которой я считался гением.

– Привет! – протянул он ручищу, стоило мне подняться по ступенькам.

– Привет! Чего стоишь?

– Да так. Жду кого—нибудь из наших. Слушай, Серёга, ты... это... к семинару приготовился?

– Ну... приготовился. А с какой целью интересуешься?

«Бык» чуть смутился:

– А чего там задавали?

– Просили приготовить доклад про утопистов.

– Ты написал?

– Да, написал?

– Про кого?

– Про секту вальденсов?

– Кого—кого?

– Вальденсов. На лекции—то ходить надо!

– Слушай... это... Максимов, дай списать, а!

– Списать? Что, прямо сейчас?

– Ну, а почему нет, двадцать минут до семинара! Сядем вон, в холле, я по—быстрому скачаю! Это... Серёга, не жмоться, а!

Примерно такая картина вырисовывалась перед каждым семинаром, но Валя всякий раз смущался, выпрашивая тетрадь с готовым заданием. Чем—то он мне напоминал иногда завхоза 2—го дома Старсобеса, Александра Яковлевича. Опять и опять Быков приходил на семинар почти не готовым и стыдился этого. Я сочувствовал Вале, он приносил в группу особенный добродушно—неуклюжий колорит, вызывавший улыбку даже у преподавателей. Некоторые товарищи, например, Дымов или Травкин, сочувствия моего не понимали, поглядывая на Валу свысока.

– Ладно уж, пошли. Сам—то чего не сделал?

– Да! – рубанул ладонью воздух Валя и переступил с ноги на ногу, – Дела! Некогда! Я ж такую по вечерам.

В холле я вытащил из пакета семинарскую тетрадку и отдал Быкову.

– Валь, на держи. Я тут не останусь с тобой сидеть, наверх пойду, к остальным. Ты же по—любому на семинаре появишься? Вот и отдашь тетрадь тогда. Договорились?

Я никогда в лицо не называл Валу «Быком». Всегда только по—имени, хотя другие Быкова не жалели, модифицируя прозвище вплоть до «Бычары».

– А как... это... если я твой почерк не разберу? – Быков растерянно переводил взгляд с тетради в руках на меня.

– Ты место пустое под непонятные слова оставь, поднимешься, я тебе расшифрую. Соображай! Впервые что ли?

– О! – догадался «Бык». – Ну, точно же!

Пока мы разговаривали, стоя возле свободной скамейки у окна, я заметил встреченную мною ранее высокую девушку. Она вошла в холл, пересекла его, что—то сказала охраннику, и проследовала в сторону лестницы на второй этаж.

«Ого! Это интересно! Пойти за ней, проследить?», – подумал я.

Но, пока я перелистывал страницы в поисках нужной, девица скрылась из вида.

– Отсюда и досюда, – подчеркнул я ногтем текст.

– Можно, я ручкой отмечу? – поинтересовался Валя, усаживаясь на подоконник и стая ноги на скамью.

– Отмечай. Только осторожно. Не черкайся сильно. Ладно, я ушёл. На семинар хоть не опоздай!

Быков на семинар не опоздал. Ему вполне хватило 15 минут, чтобы своим корявым еле читаемым почерком, с буквами напоминавшими расплзающихся в разные стороны толстеньких пьяненьких жучков, срисовать всё себе в блокнот, за исключением семи – восьми терминов. Они явились твёрдыми орешками и не поддались переводу. Однако ж, не станем осуждать Валентина за недогадливость, ведь из этих семи слов я и сам расшифровал пять. О значении последних двух догадался чуть позже, по смыслу.

Осуждающе покачивая большелобой головой, Валя пристроился рядом со мной за парту, шуганув оттуда Турова, и принялся тыкать пальцем в строчки, ставшие камнем преткновения. Разобидевшийся Туров торчал за соседним столом и пытался неостроумно язвить, но после хмурого взгляда Вали и многозначительной фразы: «Я тебя щас!», замолк и уткнулся в книжку Шафаревича, по которой готовил доклад о катарах.

Но это случилось после, перед самым началом семинара, прошедшего, по обыкновению, вяло. Я, навряд ли ошибусь, если открою, что третья группа являлась не самой сильной на курсе. Блистали две первых, а мы же оставались крепкими середнячками. Экзаменационный отбор оказался довольно хорош, поэтому конченных тупиц среди нас не водилось. Хотя, конечно, имелось несколько человек, сдавших экзамены еле—еле, но они отсеялись в первый год учёбы. Среди подобных вспоминается Поликарп Дивов, уделявший больше внимания торгашеским махинациям, нежели знакомству с профильными дисциплинами. Подвижный, словно на шарнирах, выше среднего роста, стильно одетый, с длинными волосами, забранными сзади в хвостик, Дивов постоянно притаскивал в институт какие—то шмотки. То футболки, то джинсовые костюмы, то рубашки, то ещё что—то похожее, и постепенно складывалось впечатление, будто он невзначай перепутал ВУЗ с рынком. Хотя, конечно, ничего он не путал, просто рассматривал очередное появление в alma mater, как возможность толкнуть нечто однокурсникам, заработав на перепродажах сумму в разы превышающую студенческую стипендию. Вполне ожидаемо, первый курс он не пережил, то ли уйдя на заочку, то ли со свистом вылетев в никуда за неуспеваемость. Как бы то ни было, в конце второго семестра он в недоумённой панике метался от преподавателей к декану и обратно, совершенно перестав выцеплять товарищей где—нибудь в курилке, вкрадчивым голосом предлагая им: «Антох, слышь, мне вот рубашку подогнали, в самый раз на тебя, давай покажу! Последняя осталась, все расхватали! Чесслово, тебе отдам за полцены».

Среди отсеявшихся в конце года, очутился и Пустышкин. После того, как он не смог сдать ряд дисциплин на первой сессии, перед ним встал вопрос о дальнейшем пребывании на факультете. И тут, весьма кстати, у него начала развиваться одна из многих таинственных болезней, название коих он старался не произносить вслух, а лишь закатывал глаза и, печально глядя куда—то в пространство, отвечал на, задаваемый об их природе, вопрос: «Да вам всё равно не понять!» Спустя годы, увидев по телевизору фильм «Операция „С Новым Годом!“», я поразился невероятному сходству Савельича с «неизлечимо больным» персонажем этой картины.

Справка из поликлиники позволила Ольгерду уйти в академку и возобновить учёбу с курсом, пришедшим вслед за нами. Но и тогда он продержался всего пару месяцев, затем болезнь обострилась, и Пустышкин скрылся в очередном академическом отпуске, так из него и не выйдя. Через год Ольгерда отчислили.

Чуть ранее Савельича, нас покинула, переведясь в другое учебное заведение, Марина Горшунова из первой группы. Здесь Ольгерду тоже не повезло, ибо он только—только начал подбивать к ней клинья.

Так же, как и Марина, поступил, уйдя на первый курс юридического института в Губернске, Вова Коротков, частенько забегавший вечером ко мне в гости в первые месяцы учёбы. Будучи из нашей третьей группы, и проживая неподалёку, на Кировке же, он возвращался с учёбы вместе со мной. Сбегав перекусить к себе на пару часов, Вован появлялся у меня. Время подходило ближе к восьми вечера, и визит постороннего человека приводил бабушку Катю в неистовство. Обычно, в половине девятого, она и дед уже собирались ложиться спать, а мы с Вовой включали в соседней комнатке магнитофон, громко разговаривали, всё это и являлось причиной их недовольства. Примерно в феврале, бабушка Катя, потеряв остатки терпения, просто перестала открывать ему дверь, а Вова, не по—детски обидевшись, виновником данной ситуации счёл, почему—то, меня.

Был Коротков худым, коротко стриженные светлые жёсткие волосы топорщились ёжиком, толстые стёкла очков в тёмной пластмассовой оправе он часто протирает краем коричневого вязаного свитера, грубо размазывая по их поверхности следы пальцев. Одну руку, кажется, левую, Вова никогда не вынимал из кармана. Бабушка, однажды заметив сию странность, предложила, что у него нет одного или двух пальцев. Так оно и оказалось. Я потом, абсолютно случайно, разглядел отсутствие большого и указательного пальцев, когда Вова сдавал в институтский гардероб тёплую куртку, верно служившую ему, и весной, и зимой, и осенью.

Итак, наша третья группа отличалась от первых двух отсутствием ярко выраженного неформального лидера, способного её сплотить. Мы учились, словно бы сами по себе, ограничиваясь обычным студенческим общением, не перераставшим в дружбу. У проживавших в общежитии, имелись свои интересы и дела, а у городских – свои. Даже достаточно неординарные личности вроде Лёши Парамыгина или Вали Быкова, никак на роль вождей не тянули. Да, честно говоря, несколько и не стремились ими быть. Быков, в силу непонимания, зачем ему это надо и равнодушия к мимолётной славе, а Парамыгин, наоборот, в силу незаурядного ума.

Лёша и несколько человек с ним, являлись иногородними, проживали в общежитии. Он, Ефимов и Овчаров, недавно учились в одной школе, вместе поступали в ВУЗ, а теперь, кажется, и вовсе обитали в соседних комнатах. Я всегда надеялся на эту троицу, ежели вдруг шёл на коллоквиум или семинар не в полной мере подготовленным. Парамыгин выступал в качестве своеобразной спасительной соломинки, вступавшей в дело, чуть только другим сказать оказывалось более нечего. Мыслил он оригинально, иногда озвучивая теории, многими считавшиеся спорными. Лёшу я уважал и при необходимости советовался с ним.

С ними, из того же небольшого городка, расположенного, подобно моей Питерке, на берегах Светловки, на факультет поступила одна из красавиц группы, Таня Осина. Темноволосая, с выразительным взглядом карих глаз и низким грудным голосом, ярко выраженным римским профилем и осиной талией, она нравилась многим. Однако, сама Татьяна неожиданно отдала предпочтение бывшему однокласснику, Сергею Ефимову, за которого и вышла замуж по завершении учёбы. Бытует распространённое мнение, будто красивые девушки не отличаются особым умом, и Таня, к сожалению, в определённой, незначительной степени, соответствовала данному утверждению. Нет, она не являлась полной дурёхой. В бытовом плане, и вовсе, скорее, наоборот. Однако, ей не хватало чуточку некой смекалки, присущей многим студентам, позволяющей им притворяться более успешными.

Ещё одной дивой группы, а может, и всего курса, но это, само собой, на мой слишком привередливый и несовершенный вкус, являлась длинноногая Оксана Савченко, с тонкими тёмными бровями, пухленькими губками бантиком, и грудью, способной, по выражению одного остряка, удержать на себе кружку с пивом. Сногшибательно дефилируя по струнке в короткой юбке или цветастом платье намного выше колен, она неизменно вызывала мгновенное прекращение всяческих разговоров позади себя, даже, если речь среди парней, шла о выпивке, и, гордо сжав аппетитные губки, ловила спиной откровенные взгляды, способные просверлить кирпичную стену. Несмотря на привлекательную, броскую внешность, она оставалась простой, доброжелательной и скромной девчонкой, не особо, впрочем, блиставшей в учёбе, чем грешил почти весь наш коллектив.

В отличие от Быкова, имевшего желание учиться и старавшегося изо всех сил казаться не хуже остальных, но, к сожалению, не обладавшего для сего особыми талантами, имелись и такие, кто, и не мог, и не желал грызть гранит науки, банально паразитируя на окружающих. Среди означенных выделялись Праневич, Свинарёв и Чудовский. Они, обычно, молча отсиживались на семинарских занятиях, ибо знаний, необходимых для выступления у них не доставало. Да и лекции нередко обходились, названными студентами, стороной. Тем не менее, с грехом пополам троице удалось кое—как закончить все пять курсов. Ни высшее образование, ни сам диплом, как таковые их не интересовали, работа в школе изначально не входила в их планы, а ВУЗ рассматривался исключительно, в рамках средства откосить от армии. К данной группе примыкал и отпрыск знаменитой династии хирургов Нижнего Тачанска, угрюмый и немногословный Артур Пригарин, ни трудолюбием, ни усидчивостью не запомнившийся.

За весь пятилетний период обучения у нас сменилось, кажется, только два старосты. На первом курсе деканат назначил старшей Гуличеву Леру. Невысокого роста, круглолицая, с короткой причёской и носиком—кнопкой, громкоголосая, она обладала, идеально подходящим для подобной должности напористым и слегка нагловатым характером. Порой она скатывалась при разговоре в откровенное хамство, но иначе управлять, предпочитающими безделье лоботрясами, не имелось ни малейшей возможности. Проучившись два года, Лера вышла замуж за однокурсника, бывшего немного старше её, и вместе с ним перевелась на заочное отделение. Они благополучно закончили институт, но семейная жизнь внезапно оборвалась смертью Сергея, её мужа. Рассказывали, будто он получил в драке травму головы, обернувшуюся через несколько лет инсультом. Злые языки, знавшие их семью, утверждали, что та роковая драка случилась из—за Леры, но сам я не могу поручиться за достоверность данных слов.

Новым старостой на третьем курсе утвердили Лёву Большакова, и в данной должности он оставался до окончания учёбы. Лёва исправно выполнял распоряжения руководства, получал в кассе стипендии, выдавал нам деньги. Учился он довольно средне, из основной массы не выделяясь.

Ожидая, пока прозвонит звонок на десятиминутную перемену, на которой нам предстояло разместиться в маленькой аудитории на девять парт, выходящей высокими окнами на Тачанский пруд и лес на другом берегу, я, почти уткнувшись носом в расписание, занёс в свой потрёпанный блокнот список лекций на завтра, после чего занялся изучением объявлений от деканата и отдельных преподавателей.

Напротив расписания, у приоткрытого окна уже стояли студенты нашего курса, но из других групп. Общажники имели привычку прибегать к самому началу занятий, благо, далеко ходить им нужды не имелось, а городские подтягивались постепенно, кто—то приезжал пораньше, а кто—то мог и опоздать.

Вот, быстрым шагом к расписанию приблизился, поднявшийся на третий этаж, недавно приехавший с Вишнёвки, полноватый кудряш Паша Туров. С ним мы с недавнего времени считались друзьями, сойдясь на почве любви к литературе и музыке, ну, и естественно, исто-

рии. Пухлые щёчки Паши, покрытые лёгким пушком, покраснелись, была заметна его нервная поспешность.

Одним из знакомых Турова являлся преподаватель дидактики Олег Николаевич Сухов, считавшийся хорошим другом их семейства, и подрабатывавший методистом в той же школе, где учился Паша. Обладая своеобразным юмором, он иногда на лекциях просил Турова сбежать за мелом, если маленького белого кусочка не оказывалось на преподавательском столе. Олег Николаевич, ухмыляясь в усы, произносил ироничное: «Паша, ну—ка, стартани—ка за мелом!» и багровеющий Туров вскакивал с насиженного места и, забавно подбрасывая зад, спешил по аудиториям в поисках мелка.

Почти никто из группы, кроме меня, не относился к Турову серьёзно, считая его, в некотором смысле, юродивым. Этому способствовало то, что Паша редко держал данное слово, являлся любителем делать громкие, зачастую ни на чём не основанные пафосные заявления, типа: «Я готов за демократию на столбе висеть!», не чурался озвучивать на занятиях и в кулуарных беседах жареные факты, почерпнутые им на страницах жёлтой прессы, и не имеющие к серьёзной исторической науке никакого отношения. Говоря проще, он являлся человеком недалёкого ума, верхоглядом. Турову довольно сильно мешало отсутствие системного подхода к освоению нового материала, постоянное стремление избегать сложностей, и неумение просчитывать шаги сочетаемое с упрямством, доступным не каждому ослу.

Куприян Южинов Турова и вовсе откровенно презирал, называя треплом и мажором. Он прозрачно намекал на поступление Паши в институт по протекции Сухова и своего отца, главного инженера одного из градообразующих предприятий. Впрочем, очень немного встречалось людей, о ком, злой на язык Южинов, отзывался бы с уважением. Куприян весьма точно бесцветными внимательными глазами подмечал недостатки окружающих, язвительно бил по ним, а прочим давал советы, которым ни разу не следовал сам. Не щадил Южинов и лучшего своего друга, Сашу Пушарова. Однако, высмеивая Сашу, он делал это чуть менее зло, нежели клеймя остальных. Если сперва на Южинова обижались, то, постепенно, просто переставали обращать внимание на опостылевшие колкости и предусмотрительно прекращали какой—либо разговор на скользкие исторические темы, замечая Куприяна показывавшегося в дверях аудитории.

В то же время, несмотря на все присущие ему недостатки, Туров отличался усидчивостью, и попадая в нужное русло, под умелым руководством мог свернуть, пусть и не горы, но холмы—то уж по—любому.

И сейчас, запыхавшийся Туров, поглядывая на вечно идущие неправильно командирские часы, приблизился ко мне, протянул для приветствия влажную безвольную руку (он никогда не отвечал на пожатие, а, как будто, совал ладонь в воду, и потом доставал её оттуда, не пошевелив ни единым пальцем) и озабоченно поинтересовался:

- Звонок уже был?
- Нет. Ещё пять минут, – ответил я, глянув на стрелки.
- Ахмед у себя? – Туров кивнул в сторону открытой двери деканата.
- Кто же его знает. Я не смотрел. Перед тобой только подошёл.
- Пойдём, глянем.
- Зачем он тебе?
- Да, надо.
- А конкретнее?

Туров помялся, пожевал пухленькими губками, глядя мимо меня, но решил ответить:

- Насчёт физры уточнить хочу. Ты реферат успел написать?
- Написал и сдал аж на той неделе. А ты?
- Нет ещё... вот и хочу...

Туров не уточнил, чего он хочет.

Вопрос получения зачёта по физкультуре стоял для нас с ним достаточно болезненно. Дело в том, что оба мы от занятий физкультуры были освобождены. Я – из—за зрения, а Туров твердил о больном сердце. Но я справку из больницы принёс своевременно, а он тянул до последнего момента. Весь год нам полагалось раз в неделю посещать специальные занятия ЛФК, но и он, и я, ходили на них через пень колоду. Когда подошло время зачёта, то Туров не соизволил подойти к преподавателю, а я позаботился об отметке в зачётной книжке заблаговременно, выпросив задание написать реферат. Состряпав отписку за пару дней, я отнёс работу физкультурнику, и теперь не опасался лишних проблем. А Туров, как внезапно выяснилось, даже пальцем о палец не ударил.

– А почему один не сходишь?

– Я на тебя сошлюсь, в случае шухера. Скажу, ты уже всё сдал. Да, и вдруг там Старицкая. Не хочу с ней пересекаться лишний раз.

Со Старицкой Туров испортил отношения в самом начале учёбы, устроив прямо на её лекции какой—то дурацкий диспут о рабстве в греческих полисах. Пашка заявил, будто никакого рабства, в его классическом понимании, там никогда не существовало. Снисходительно улыбнувшись, Старицкая сослалась на многочисленные исторические источники и работы Маркса. Но Турова подхватило и понесло, словно Остапа, и он провозгласил ненужность изучения работ Маркса и Энгельса, ибо они устарели, и, вообще, современные западные исследователи...

– А каких современных западных исследователей вы имеете в виду, молодой человек? – ледяным тоном задала вопрос Старицкая.

– Ну, я не знаю... Многие... Например, Вестерман утверждал...

– Да будет вам известно, воззрения Вестермана носят довольно специфичный характер, присущий определённому периоду развития историографии античности, и в настоящее время не актуальны! Вы видели список литературы, подготовленный мною для семинарских занятий?

Туров буркнул нечто неразборчивое.

– Так вот, для начала, ознакомьтесь с ним. И обратите особое внимание на труды Валлона, Штаерман, Ленцмана. И Энгельса, конечно.

Старицкая мило растянула губы в улыбке.

– И всё равно... – Туров хотел добавить несколько слов, не обращая внимания, на нёсшееся со всех сторон шиканье. С задней парты кто—то отчётливо гаркнул: «Паша, хорош выпендриваться, дай лекцию послушать!»

Старицкая нахмурилась, постучала ручкой по кафедре и грозно произнесла, переложив бумажки с одного места на другое:

– Послушайте, Павел! Сейчас вы дадите нам спокойно продолжить занятие, а после лекции я готова обсудить ваше утверждение. А ещё лучше – мы поговорим об этом на семинарском занятии. Всё! Тишина. Продолжаем.

Туров обиженно уткнулся в записи, и некоторое время бубнил себе под нос некую абракадабру, пока сидящий сзади него Свинарёв, не ткнул говоруна ручкой в спину и не посоветовал заткнуться.

Благодаря своему феерическому выступлению Паша навечно лишился расположения Старицкой, и на протяжении первого курса инцидент ему аукался. Старицкая, старавшаяся казаться самой обаятельностью, в реальности обладала довольно склочным и злопамятным характером. Все это прекрасно знали и старались не вставать ей поперёк дороги, а тем более не подвергать её авторитет сомнению при таком количестве студентов. А Туров в течение целого года бездарно усугублял ситуацию, вступая в безнадёжные споры по поводу любой мелочи, мерещившейся ему неправильной, и теперь реально мог не получить зачёт по древнему миру, что угрожало ему отчислением. Осознав сей факт, он стал бегать от Старицкой, бледнея при её появлении, и пропускать проводимые ею занятия

– Ну, пойдём, – я пожал плечами. – Только, чур, недолго, тут Быков тетрадку должен вернуть.

Когда мы подошли к комнате, где сидела секретарь, то вспотевший от нервного напряжения Туров, осторожно заглянул туда и, убедившись в отсутствии внутри Старицкой, шагнул за дверь. Я последовал за ним, но на пороге споткнулся, увидев, кто именно болтает с секретаршей Светой. Отвлёкшись от стоявшей на втором рабочем столе, обращённом к стене, печатной машинки, Света увлечённо беседовала с той девицей, что я обогнал по дороге, и которая чуть более пяти минут назад прошествовала через холл мимо нас с Быковым.

«Интересные дела! Неужели на нашем факультете станет учиться? А вдруг, заочница какая?»

Едва Туров, еле дыша прислонился к стоящему у шкафа с документами серому сейфу с многочисленными мелкими царапинами вокруг замочной скважины, а я застыл на пороге, девушки прекратили ворковать и обратили взоры на вошедших. Длинная равнодушно мазнула глазами по Турову, и удивлённо воззрилась на меня. Я почувствовал себя неловко под её пристальным взглядом, но молчание прервал Паша:

– Ахмет Мансурович у себя? – спросил он, указывая на дверь, ведущую в кабинет декана.

Ахмет Мансурович Валиев находился в должности декана первый год. Ранее факультетом несколько лет руководил Семячков Григорий Петрович, возглавивший в августе прошлого года кафедру методики преподавания. Спокойный, простой и не любящий суету, Валиев не слишком подходил на должность декана, и на первом этапе ему было особенно трудно вживаться в новую для него роль. Он не умел красиво говорить, волнуясь, повествование выстраивал коряво, и еле добирался до её завершения, запинаясь о многочисленные «Э—э—э, м—м—м, так сказать, значит». Лекции Ахмет Мансурович читал негромким ровным усыпляющим голосом, изредка повышая интонацию, чтобы повторить какой—нибудь новый термин. Если декан, вычитая материал по отечественной истории, пытался шутить, то глаза его превращались в узенькие щёлки, а взгляд становился хитрым. К сожалению, шутки пропадали втуне, мало кто их понимал, лишь девушки похихикивали из вежливости. На студентов, приходящих к нему решить проблемный вопрос, он смотрел печальными глазами усталого сенбернара, и внимательно выслушивая, изредка подкручивал седоватые прокуренные усы. Однако, Валиев всегда старался вникнуть в проблемы студентов, а зачёты многим ставил не зверствуя, по результатам посещений лекций и ответов на семинарах.

– Да, у себя. Но он сейчас занят, со Ступиным беседует.

Тут прозвенел звонок на перемену. Дверь кабинета Валиева отворилась, и прихрамывая, оттуда вышел невысокий лысоватый преподаватель истории отечества Александр Владимирович Ступин. Вслед за ним появился и сам Валиев.

– Света, ко мне есть кто—нибудь?

Мы поздоровались, Ступин, уходя, пошутил по поводу очереди, будто за дефицитом, а Света произнесла:

– Да, Ахмет Мансурович. Девушка подошла по поводу поступления...

Девица, о которой шла речь, поднялась навстречу декану, но в разговор бесцеремонно влез Туров:

– А можно я вначале? Я только спросить хочу. Две минутки и всё.

Неодобрительно взглянув на Пашу, Валиев сказал:

– Вообще—то, лучше бы девушку пропустили...

– А у нас семинар через пять минут...

– Возьмите, Ахмет Мансурович, документы Екатерины Александровны.

Секретарь передала Валиеву исписанные листки. Он вздохнул, кивнул и взял их:

– Ну, пойдёмте, Павел... – и обратился ко мне, – вы тоже?

– Нет—нет, я здесь подожду.

И Паша с Валиевым скрылись в глубине кабинета, а я остался стоять возле шкафа, подпирая его плечом.

Неожиданно в секретарскую шумно ввалился Быков, бросив Свете: «Привет!»

– А, вот ты где спрятался! Я тебя ищу везде... Пойдём, я половину не разобрал в твоих каракулях.

Как раз в это время материализовался повесивший голову Туров, а из—застенки прозвучал голос декана:

– Екатерина Александровна, заходите, пожалуйста!

Девушка встала и прошла к Валиеву, плотно затворив за собой дверь кабинета.

Быков одобрительно проводил её взглядом и обратился к секретарше:

– Кто такая? Заочница?

– Валентин, а тебе какая разница? – улыбаясь, спросила Света.

– Ну... я просто... интересно же... – засмутился Быков.

– Поступать будет на факультет. В прошлом году два балла недобрала. Попробует в этом.

– Пойдём уже, а то не успеем дописать, – толкнул я в бок Валю.

– Ладно, я попозже загляну, – кивнул Быков Свете.

И обратился к Турову:

– О! И ты тут! И зачем же?

– Тебя не спросил. Надо, не сомневайся, но не твоего бычьего ума дело.

Туров хамил, не будучи склонным к светской беседе.

– Чего злой, аки василиск? – обратился я к нему, едва мы оказались в коридоре. – Что Ахмет сказал?

– Сказал, надо к физкультурнику обратиться сегодня же, и взять задание.

– Так, сходи. Делов—то!

Торопящийся Быков от нетерпения рыл копытом покрытие пола и успокоился не раньше, чем я, расположившись за партой в кабинете, стал проговаривать ему слова из текста, с которыми он не справился.

Чуть позднее, когда началось занятие и слово взял Парамыгин, отвечая на поставленный преподавателем вопрос, я, машинально рассматривая Савченко, провокационно явившуюся в институт, явно, без бюстгальтера, прокручивал в памяти разговор в канцелярии.

«Значит, к нам поступать будет эта Екатерина Александровна. Надо запомнить и потом разузнать, поступила или нет»

Мне почему—то хотелось увидеть ту, о ком я тогда думал, ещё раз. А лучше – не раз. Мне и не мечталось, что однажды мы с Катей станем хорошими знакомыми, и у меня появится новый объект обожания, позволяющий временами надеяться на большее.

2Б. Целующие любимых да обретут вечность...

*О, не лети так жизнь!
Мне важен и пустяк.
Л. Филатов.*

Перебирая в поисках записной книжки двадцатилетней давности старые бумаги в потрескавшемся чёрном чемодане, я наткнулся на пачку бумаг, завернутую в непрозрачный пакет. А развернув его, обнаружил, скрытую здесь от посторонних глаз, нашу с Линой переписку. Старую переписку. Сочинения золотого века, именуемого конфетно—букетным периодом. Мои письма к Лине и её ответы перепутались, на отдельных листах не стояла дата, да и уцелели они от уничтожения самым непостижимым образом. Как и немногочисленные фотографии. Если бы я, тогда, накануне развода, не позволил себе порыться в бумагах Лины, то они разделили бы участь книг и фотоплёнок, старательно истреблённых Подкопытовым, её вторым мужем.

Несколько лет после расставания я не мог прочитать из этих наивных посланий более трёх строчек. Настолько живо представало предо мною сохранившееся на листочках бумаги утраченное время, что я задыхался от захлёстывающих воспоминаний, от осознания незавершённости сказочного периода, от желания продолжить столь внезапно оборвавшуюся рифму.

Однако, не перечитав их снова, не заставив себя это сделать, я бы оказался не в состоянии восстановить в подробностях происходившее в те далёкие невозвратимые месяцы.

Самое раннее письмо к Лине было написано мною через пять дней после первого свидания, 4 октября. Благодаря отвратительно составленному расписанию у меня ежедневно выходило по куче, так называемых, «окон», т.е. свободных уроков. Почему свободных? Крайне просто – для проведения занятия не находили кабинет, все классы оказывались распределены. И вот, сорок минут приходилось сидеть в прохладной лаборантской, ожидая следующего урока. На одном из пресловутых «окон» я и составил нижеследующее послание. Оно изначально писалось вовсе не для того, чтобы Лина его прочитала, мне требовалось выговориться, поделиться с кем—нибудь, ну, пусть, и с листком бумаги, переполнявшим меня трепетом обожания, не позволявшим думать ни о чём другом, кроме как о скорейшем свидании с Линой. И это послание, долгие годы пролежавшее среди страниц дневника, она не читала. Лина даже не подозревала о существовании сей корреспонденции.

Стараясь абстрагироваться от шума, доносящегося из—за тонкой фанерной стенки, от творившегося безобразия, ни в малейшей мере не напоминавшего нормальный урок, я запахнулся в куртку, уселся на шаткий стул у зарешеченного окна, выходящего на бурый от пожухлой осенней травы, школьный двор, выдрал из тетрадки с конспектами занятий чистый лист, мгновение помедлил, задумавшись, а затем начертил следующее:

«Здравствуй, моя милая, дорогая, нежно любимая девочка!

Ты не представляешь себе, насколько пусто вокруг оттого, что мы не можем часто видеться. Однако, у нас остаётся возможность, и отнять её никто не в силах, возможность мысленно общаться или излагать чувства хотя бы и на бумаге. Определённые слова проще донести посредством письма, нежели произнести. Может быть, воспользуемся этим вариантом?

Очень соскучился, а, ведь, прошёл всего, кажется, день, со времени расставания. После нашего общения я до сих пор нахожусь в состоянии лёгкой невменяемости, невероятно трудно сосредоточиться на работе. Ощущение, что физически – то я нахожусь, вроде и здесь, в кабинете, но в воображении – с тобой, и крепко обнимаю мою ненаглядную принцессу.

Не лучше ли сказать вот так:

*Ну почему ты далеко
Моя вторая половинка?
Я, словно мягкая пылинка
Коснулся бы тебя легко.
Коснулся бы твоих волос,
Вдохнув дурманящую сладость,
И отогнал бы боль и слабость,
Они не стоят твоих слёз.
Я обнял бы тебя дождём,
Скотившись по щеке росой,
Укрыл бы радугой—дугою
Тебя холодным серым днём.
Я отдал бы тебе тепло,
Чтоб не грустила, улыбалась,
Чтобы беспечно рассмеялась,
Открыв навстречу мне окно.*

Я держусь за счёт уверенности, что мы увидимся, что придёт миг, и я крепко—крепко прижму к себе мою милую девочку. Да, сейчас я уверен, нет ничего более сложного, чем находиться в разлуке с тобой.

Перечитывай, иногда, это письмо, если вдруг заскучаешь. Помни, солнышко моё: я люблю тебя, ценю тебя, и несказанно сильно хочу быть с тобой.

Благоговеино обнимаю и целую, надеюсь, вскоре мы встретимся, и я сделаю это наяву.

До свидания, любимая.

Сергей».

На следующий день, уже будучи после работы дома и, с нетерпением ожидая её звонка, я написал второе послание, которое, подобно первому, не предназначалось для прочтения. В тот период всё виделось непонятным, шатким, а каждый наступающий день чудился последним днём коротких свиданий с Линой. Несмотря на стремительное развитие отношений, я старался прищипорить время ещё сильнее, дабы оно неслось вскачь, вихрем, ураганом, неумолимо сближая меня и Лину, сталкивая нас с ней, сплетая наши истосковавшиеся по любви тела и души, и не давая разомкнуть объятий. Никогда.

«Здравствуй, моя любимая девочка!

Знала бы ты, до какой степени мне тебя не хватает! Я, невероятно, безумно хочу быть с тобой. Прямо сейчас! Я пытаюсь объяснить это, а ты упрекаешь, будто я не хочу с тобой видеться. Да будь это осуществимо, я бы каждый день, каждый час находился рядом с тобой. Пусть мир несётся в тартарары, лишь бы целовать твои мягкие нежные губы, гладить твои шелковистые волосы, ощущать тепло твоего тела. Моему странному поведению и непонятным сбивчивым словам существует только одно объяснение: я безумно тебя люблю. И мне плохо, если я не вижу твоих добрых, полных нежности глаз, не ощущаю твоих ласк. Ещё сегодня не видеть тебя, ещё завтра без твоей любви! Ещё в субботу полдня я не смогу обнять тебя!

Безумно страшно потерять тебя, любимая! Меня приводят в бешенство предположения, что тебе, возможно, по сути, безразлично, кто именно тебя ласкает, целует лепестки твоих губ, ведь, и с другим ты вела бы себя не менее нежно, чем со мной. Я с трудом заставляю себя поверить, что это знакомство – судьба, что я не просто оказался рядом с тобой в выбранный тобою момент. Но даже пусть и так, я не откажусь от любви, чего бы это не стоило. И остаётся уповать на чудо.

*До свидания! Звони почаще, милая. Звони каждый день!
Твой Сергей»*

За неполных трое суток со дня знакомства, Лина стала для меня всем. Всеми рассветами мира, и всеми его малиновыми закатами. Всеми зимами, и всеми вёснами. Всею жизнью, и всею смертью. Казалось, она воплотила в себе самое светлое, что можно отыскать на свете. Неведомым краем сознания я понимал, этого не может быть, ибо у любого человека, пусть абсолютно святого, есть тёмная половина. И я прекрасно осознавал свою тёмную половину, и почему —то время от времени её демонстрировал самым неподобающим образом. Но не видел, или не хотел замечать её, в Лине. В ней я открывал то, чего, на мой взгляд, имелось исчезающе мало во мне самом. Поэтому неприятной неожиданностью, почти раздавившей меня, явились события, произошедшие в конце мая следующего года. Тогда впервые с хищной безжалостностью из тени показалась тёмная половина любимой. Половина, по прошествии нескольких лет завладевшая ею полностью, и уничтожившую ту Лину, перед коей я преклонялся, которую я боготворил. Такой, какой она была на заре нашей дружбы Лина останется лишь в своих письмах, отправленных на мой адрес с сессии, да на старых фото. И будет с них улыбаться по—прежнему, возвращая меня в то далёкое, утраченное счастье.

И, одновременно, как бы наивно такое утверждение ни смотрелось, она продолжала незримо присутствовать в моей дальнейшей жизни. Но, если женщина, носившая потом имя Лины Аликовны, являлась, по сути, неодушевлённой телесной оболочкой настоящей Лины и ненавидела меня всем естеством, то душа её, внезапно превратившись в моего ангела – хранителя, не единожды спасала никчёмную жизнь некогда любимого ею человека.

Всего через неделю после знакомства, мы уже не могли оторваться друг от друга, а через пятнадцать дней решили, следующим летом сыграть свадьбу, и привели в шоковое состояние Наталью Васильевну, маму Лины, не ожидавшую подобной прыти от скромной и рационально мыслящей дочери, находившейся под её жесточайшим контролем. И это не поддаётся логическому объяснению. Единственно требуется подчеркнуть: осознание, что Лина вдруг стала для меня не обычной знакомой, а чем—то гораздо большим, чем—то, без чего трудно дышать, пришло в начале октября, когда я, в один из вечеров, провожал её до дверей подъезда, а проводив, неожиданно для самого себя, наклонился и коснулся губами её щеки. А она не отстранилась, наподобие любой другой.

Откуда взялась во мне тем вечером столь неподдельная храбрость? Не знаю, наверно, я просто много выпил, ведь мы компанией отмечали тогда День Учителя.

В ту субботу, в честь торжества, уроки сократили до 30 минут. Накануне вечером, педагогический коллектив в помещении школьной столовой отмечал профессиональный праздник. Веселились, как обычно, с размахом. Это стало ясно, едва я утром ступил на крыльцо школы. В глаза бросилось, что тяжеленные входные двери расколоты, и одна из досок, вырванная из их середины, до сих пор валяется у боковой лестницы. Догадка вскоре подтвердилась, пройдя к секретарю за журналом, я чуть было не вляпался у стола в лужицу подсыхающей крови.

«Ого, да тут вчера по традиции мордобитием занимались. Шикарно гульнули, иначе не скажешь! Офигенная заварушка! Ну, молодухи, естественно, на партах плясали, раздеваясь. Куда ж без этого. Программа минимум. А драка, вероятно, под конец случилась. С кондицией не рассчитали. Думали – дошли, а оказалось – перешли. Душа острых ощущений запросила», –

так прикинул я, возвращаясь к себе в кабинет, и оглядываясь по сторонам в поисках ещё каких —нибудь следов с пользой проведённого педагогами вечера.

Я на том гульбище не присутствовал. У меня появилась Лина и всё не связанное напрямую с нею перестало представлять интерес. Поэтому я весь вечер проторчал дома в ожидании её звонка, вскакивая при любом шорохе. А затем она позвонила и мы условились отметить грядущий праздник вместе, завтра, у меня на квартире. Правда, вначале требовалось заехать к Лине домой, познакомиться с её мамой и пообещать, что с Линой ничего плохого не произойдёт. Напоследок Лина продиктовала свой адрес и номер телефона бабушки, а я записал их карандашом на клочке бумажки, вырванной из блокнота.

Надо признать, почти сразу же наши разговоры по телефону превратились в особый, почти религиозный ритуал, воспринимаемый мною наподобие очередной дозы наркотика. Если Лина по какой—то причине не звонила, и я в тот день не слышал её мягкого и успокаивающего голоса, то испытывал реальную ломку. Воображение рисовало крайне неприятные события, в первую очередь её решение вдруг порвать со мной. В такие вечера комната превращалась в камеру, которую я по целому часу мерил шагами, мечась из угла в угол. Разом пропал целый мир, я не мог сосредоточиться ни на одной вещи, прочитанные строки книг не запоминались, а прослушиваемая музыка распадалась на отдельные, никак не связанные между собой хаотические звуки. От одного упоминания еды начинало тошнить, а чай, так любимый мною в обычное время, вызывал отвращение. Ежели некстати приходил вдруг Савельич, или Туров, то произносимые ими слова оставались вне пределов моего сознания. Я автоматически им отвечал, но, по большей части невпопад, и мнительный Савельич не на шутку обижался, принимая мою протрацию за нежелание с ним общаться.

Однако, подобное только предстояло испытать в ближайшие месяцы, а пока я с нетерпением ожидал часа, когда опять увижу Лину. На втором уроке, в кабинет, где мною проводилось занятие с девятым классом, неожиданно заглянула дежурная завуч и попросила меня подойти к телефону. Кто—то звонил. Меня бросило в холод, подумалось, это Лина хочет предупредить, что приезжать не стоит. На негнувшихся ногах я доковылял до канцелярии и, даже не опускаясь на стул, дрожащей рукой поскорее схватил лежащую на столе серую трубку телефона.

Какой же я испытал восторг, услышав на том конце провода хриловатый заторможенный голос Савельича. Он, не считаясь с ожидающими меня в классе учениками, заунывно поведал о намерении к обеду явиться в гости, так как ему, видите ли, потребовалось переписать на музыкальном центре кассету. Ольгерд не спрашивал, можно ли ему нарисоваться, он попросту ставил в известность о факте приезда. Вздыхнув, тем не менее, с облегчением, ибо самые скверные ожидания не подтвердились, я предупредил Пустышкина о возвращении с работы, примерно, в половине двенадцатого. И сообщил, что около половины второго еду к Лине. Уверив, будто ему будет достаточно и часа, Савельич положил трубку.

Кое—как закончив уроки, и потратив дополнительно, двадцать минут на безрезультатные споры с Раёвой по поводу безобразно составленного ею расписания, я поспешил домой. Стояло «бабье лето». На бирюзовом небе не проплывало ни единой тучки, а солнце, точно радуясь вместе со мною, изо всех слабеющих сил старалось пропитать воздух теплом ушедшего лета и блеском надежды на своё триумфальное возвращение через каких—то семь месяцев. Лето закрыло сезон в сентябре, но в эти дни чуть приподняло занавес и с любопытством заглянуло в зал, переполненный, уставшими от сентябрьских дождей, зрителями.

Хотя, кто знает, возможно, бежали наиобычайшие октябрьские деньки, никому, кроме меня, ничем не запомнившиеся. Ведь и в моей памяти ни одна последующая осень не сохранилась, превратившись лишь, в остающуюся позади, скомканную череду пустых дождливых недель.

Савельич, не жеманясь, всю колдовал над аппаратурой, чем вызывал глухое роптание бабушки, не переносившей пустышкинской наглости. Он удивил, достав из пакета бутылку

«Рябины на коньке», и сопроводив её появление на столе заявлением о появившемся желании выпить вместе с нами. Несколько дней назад, ещё до знакомства с Линой, я предлагал Савельичу отметить праздник, посидев, со мной и с Туровым за «рюмочкой чая». Но, учитывая требование принести с собой бутылочку того самого «чая», Савельич тогда отказался. А тут вдруг передумал и даже предусмотрительно откопал деньги на выпивку.

Не успели мы убрать флакон, как приехал продуманный Туров. Прикинув обстановку, он решил не покупать заранее, ни выпивку, ни закуску. Сначала Паша решил разведать, состоятся ли посиделки вообще. Бросив куртку на кровать, он уселся в кресле, и покачивая ногой с нескрываемым недовольством косился на Пустышкина.

Когда запись кассеты Савельича закончилась, я известил приятелей, что мне пора ехать за Линой.

– А мы куда? – недоумённо воззрился Туров.

– Давайте сделаем так: вы сейчас отправляетесь к Савельичу и дожидаетесь там. Будет всё нормально, я с Линой заскочу за вами, и все вместе поедem сюда. А, если произойдёт что —то непредвиденное, я с автомата звоню на номер Ольгерда, и ты, Паша, можешь ехать к себе. Или встретимся и порешаем. Глядишь, бабки сэкономим! Устраивает подобный вариант?

Предложенный вариант их устраивал. Его приняли единогласно, отправившись поскорее на остановку трамвая. Бутылку Савельич, на всякий случай, прихватил с собой.

Сойдя в центре города с трамвая, я, стремясь успокоить расшалившиеся нервишки, выкурил сигарету, но помогло это слабо. Быстрая ходьба также не сняла нервного напряжения, усилившегося по мере приближения к дому Лины.

Набрав в грудь побольше воздуха, я, словно в омут, шагнул в полутёмный подъезд и, обмирая от ужаса, с сердцем, колотящимся отчего—то аж в желудке, поднялся на четвёртый этаж. На квартире Лины не висел номер, но он имелся на соседней, посему ошибиться было невозможно. Только я принялся высматривать, где располагается звонок, а за тёмно—коричневой железной дверью с глазком уже лязгнул засов, и из—за неё выглянула улыбающаяся, нарядная Лина. Взмахом руки она откинула назад со лба завиток волос и сказала:

– Привет, Серёж! Проходи, пожалуйста! А я уж заждалась тебя! Хотела даже к бабушке сбегать и позвонить, узнать, что случилось, и почему ты долго не приезжаешь.

– Да вроде—бы не опоздал, как договаривались. Друзья немного задержали, – облизнув пересохшие губы, потрескавшимся голосом ответил я.

– Ты сильно не пугайся, мы с мамой ремонтом занимаемся, поэтому у нас всё перевёрнуто вверх дном и беспорядок в квартире полный.

Беспорядок, действительно, оказался впечатляющим. Одно из кресел полностью завалили книгами, извлечёнными из стоящего рядом шкафа. Пол в гостиной, то ли скребли ножом, счищая старую краску, то ли ковыряли чем—то ещё, и он сильно напоминал изрытую метеоритами лунную поверхность. На тумбу трельяжа в кучу сложили бусы, бигуди, газеты, непонятные синие нитки. Одна из нижних дверей комода висела на единственной петле, углом упираясь в половицу.

Прикрыв входную дверь, я снял ботинки, повесил куртку на косо висящую вешалку, поправил перед зеркалом свой лучший, с заколкой, галстук, стряхнул с пиджака пылинки, пригладил причёску, и Лина провела меня в комнату, где представила маме. С тяжёлого коричневого раскладного дивана поднялась невысокая худенькая женщина с тронутыми сединой волосами, собранными на макушке, слегка вздёрнутым носом, таким же, как у дочери, и неприятными въедливыми тёмными глазами. Я не смог бы тогда объяснить, почему её взгляд привиделся странным, лишь подметил плещущую в нём, слегка пугающую лихорадочную искорку фанатизма. Она поздоровалась и с улыбкой сказала, что Лина все уши о новом знакомом прожужжала, и ей, в связи с тем, приятно со мной познакомиться.

Я ответил на приветствие и тоже заверил, что рад нашему знакомству. Воспользовавшись приглашением присесть, и я примостился на краешек дивана, стараясь не испортить стрелки выглаженных утром брюк. Перешагивая через лежащий посреди комнаты, скатанный палас, я задел головой люстру, начавшую опасно раскачиваться. Потолки показались низкими, хотя позже я привык и совсем не замечал этого.

Кроме Лины и её мамы, в комнате находилась женщина средних лет и две девочки, одна постарше, другая помладше. Как выяснилось, это Лина тётка и её дочери. Вся эта компания с интересом разглядывала вновь прибывшего, пока я прятал между колен трясущиеся пальцы, сцепив их в замок.

Наталья Васильевна, мама Лины, поинтересовалась, не хочу ли я чая, но я отказался, сославшись на сытость. И тогда последовал мини допрос. Хозяйка вежливо интересовалась местом моей работы, с кем живу, сколько получаю, пью ли, курю ли, каковы мои интересы, был ли я раньше женат, есть ли у меня друзья и родители, и так далее. Я старался отвечать не слишком многословно, но пытался выстраивать предложения по—книжному, заумно, пытаюсь сосредоточиться и забыть про страх.

Выслушав ответы, сёстры переглянулись, и Наталья Васильевна попросила Лину сыграть одну пьесу. Лина, поднявшись из глубокого кресла, составлявшего дополнение к дивану, села за пианино, стоявшее у стены, возле окна, и коснулась клавиш. Полилась знакомая энергичная мелодия, а едва она закончилась, последовал вопрос, узнал я автора или нет.

Отметив про себя замечательное владение Линой инструментом, я, потерев усы, и подумав секунду, неуверенно назвал Бетховена.

– Шопен. «Экспромт-фантазия!» – засмеялась Лина.

А я хлопнул себя рукой по коленке, мысленно выругавшись.

Тут Нина Васильевна подкатила к дивану, на котором я расположился, невысокий журнальный столик с поцарапанной полировкой, и попросила Лину, несмотря на мой категорический отказ перекусить, принести с кухни чай, булочки и дыню. Засучив рукава серенькой кофточки, Лина юркнула на кухню и спустя миг появилась оттуда, держа в одной руке заварочный чайник, а в другой – две пустые фарфоровые чашечки с изображениями румяных яблок на боках. Аккуратно поставив чашки на стол, она поинтересовалась, крепкий ли я пью чай, и услышав утвердительный ответ, налила в предназначенную для меня чашку заварки на треть, а себе капнула всего несколько капель. Затем она вынесла поднос со сладкими булочками с вишнёвым вареньем, четыре кусочка твёрдой, слегка желтоватой дыни, и металлический чайник с кипятком. Я решил ей немного подсобить, и сам разлил кипяток по чашкам.

Хитро улыбаясь, Лина уселась в кресло напротив, а я, уже не пытаюсь отказываться, взял булочку, надкусил её и отхлебнул чая.

– Про сахар—то я и забыла! – тут же спохватилась Лина. – Много тебе?

– Я без сахара пью!

– Ну, и я, тогда, без сахара попью.

В беседу вторглась, о чём—то до этого перешёптывающаяся с сестрой, Нина Васильевна.

– Лина вчера весь вечер эти булочки стряпала. Специально к нынешнему дню. Удивить хотела.

– Мама, ну не надо! – покраснела Лина.

– А у вас какие планы на сегодня? – поинтересовалась Нина Васильевна.

– Мы собирались ко мне поехать. Сегодня же праздник. Вот, немного посидим.

– Лина спиртное не пьёт. Вы для неё обязательно сок купите.

– Ну, мама, опять ты за старое!

– Купим сок, конечно.

– И смотрите, чтобы там нормально было! Безо всякого...

– Мама постоянно себя и других накручивает, и всяческие ужасы рисует! – пояснила Лина.

– Ужасы? Да погляди сколько вокруг бандитов разных! Месяц назад у двоюродной сестры жениха Семёновой на улице сумочку из рук вырвали.

– О! Началось! – Лина закатила глаза.

– Нин, давай, ты позже это расскажешь, – попросила Нину Васильевну сестра, а девочки тихонько прыснули в ладошки.

– Не, у меня люди приличные собираются. Учились вместе, я их давно знаю. Всё в порядке будет. Я Лину потом обратно к подъезду приведу, не беспокойтесь, пожалуйста.

Нина Васильевна замолчала, но я видел, моя фраза успокоила её недостаточно.

Съев два пирожка, я взял кусок дыни, оказавшийся пресным. Сделав усилие, я дохрумкал его и положил корочку на тарелку. После отпил несколько мелких глоточков из чашки с чаем. Лина, не отрывая от меня глаз, улыбаясь, последовала моему примеру.

Когда с угощением закончили, я поднялся:

– Давай, я приберу.

– Да не беспокойся ты, я бы и сама справилась.

– Мелочи, Лин. Мне не сложно.

Прихватив тарелочки, я унёс на кухню часть грязной посуды.

– Сергей, Вы не испугались, что у нас беспорядок жуткий? – снова вступила в разговор Нина Васильевна.

– Хм, я и внимания не обратил.

– А мы целое лето ремонтом занимались. Большую комнату почти сделали. Надо полы ещё в гостиной выкрасить. Да в спальне обои поклеить. Пособить, жалко, некому нам с ней. Папа её ни единожды не пришёл, зря на него надеялись.

– Мама, я сразу предупредила, – он не станет ничего делать. Вы только пересечётесь, мгновенно ругаться затеваете. Как кошка с собакой.

– У Алика новая семья, с какой стати он сюда пойдёт? – вставила Инесса Васильевна, кладя на пианино ноты, которые до этого показывала девочкам.

– А мог бы и прийти, хоть вешалку прибить! Не развалился б! Да он всегда так, никогда ничего хорошего нам не делал!

Нина Васильевна сызнова начинала горячиться.

У меня возникла небезосновательная мысль, что если дело пойдёт в нужном направлении и далее, то вскоре им будет на кого рассчитывать, заканчивая ремонт.

– Мам, ну мы поехали тогда?

– Лина, давай я тебе кофточку новую покажу. Она в спальне. Пойдём.

И они вышли в соседнюю комнату, прикрыв за собой двери. Через пару минут оттуда донеслось возмущённое хныканье Лины:

– Да знаю я всё! Ты уже тысячу раз говорила! Сколько можно—то?

И раскрасневшаяся Лина выскочила к нам. Она подбежала к трельяжу, взяла стоявший на нём миниатюрный флакончик духов, брызнула себе на шею, за ухо и на запястье левой руки. Я уловил терпкий, обволакивающий аромат жасмина.

– Ну вот, – заявила Лина, крутнувшись перед зеркалом, – я готова!

Мы прошли в коридор и стали собираться, а Нина Васильевна, стоя в проёме двери, наблюдала за тем, как я подавал Лине плащ.

Попрощавшись с женщинами, я взял Лину за руку, и мы вышли на лестничную площадку.

Спустившись вниз, выйдя из подъезда, я заметил: Нина Васильевна стоит на балконе и наблюдает за нами.

– Вон твоя мама вверху. Смотрит.

– О! Она в своём репертуаре. Еле вырвалась. Никуда не хотела отпускать. Везде ей маньяки и убийцы мерещатся. Еле—еле с тётей Инессой её убедили.

Мы свернули за угол дома и держась за руки, неторопливо шли по улице.

– На остановку сейчас идём? – поинтересовалась Лина, глянув на меня.

– Нет. Сперва дойдём до Савельича. Он с Туровым сидит, нас дожидается. И вместе поедом ко мне. Я ж не знал точно, отпустят тебя или нет.

– Да, мама у меня перестраховщица. Как начнёт страхи на ночь рассказывать...

– Она где работает?

– Мы вместе с ней работаем. В музыкальной школе. Она по классу аккордеона.

– А Инесса Васильевна.

– Тётя Ина? Она в школе, в 485-й, уроки музыки ведёт.

– Девочки, это её дочери?

– Ага. Леона и Карина. Леона в шестом классе учится, а Карина в музыкальном училище. Я тебя потом с дядей Толей познакомлю, с их отцом. Он на химзаводе трудится, у них машина есть. Зелёная «шестёрка».

Я имел смутное представление, как конкретно выглядит «шестёрка», и чем он отличается от, к примеру, «семёрки», поэтому решил промолчать.

– А Савельич и Туров – твои друзья?

– Да, учились вместе.

– Они чем занимаются?

Лине стало жарко, она на ходу расстегнула плащ и стащила с головы серый беретик.

– Туров работает. Продавец в магазине запчастей. А Савельич – ничем. Он всё болеет да Лазаря поёт.

– Болеет? Сильно?

– Охохо! Сие есть тайна покрытая мраком!

– Почему такое странное имя – Савельич?

– А это и не имя. Называем по отчеству. Фамилия у него – Пустышкин, а имя – Ольгерд.

– Ольгерд Пустышкин? – захохотала Лина. – Уж лучше, Савельич, в самом деле.

– А Турова как зовут?

– Паша. Он сначала, после учёбы, в школе года два проработал, но не выдержал и сбежал.

– Зачем же шёл тогда?

– Там смешная история получилась. Забавная. В общем, по окончании института, нам выдали дипломы и собрали всех в актовом зале. Собрали с целью выяснить, кто идёт в школу работать. Устраивающимся в школу полагались подъёмные. Сумма не большая, но и не маленькая. И Паша вместе с другими получил эти деньги. А потом – раз, и не устроился на работу. Так его из управления образования разыскали и потребовали: или деньги возвращай, или в школу устраивайся! Деньги он зажал отдавать, вот в школу и пошёл.

– Прикольно, – снова засмеялась Лина. – Он постоянно такой хитрый?

– Почти.

Болтая, мы пришли к дому Савельича. Ольгерд, заметив нас в окно, вышел на балкончик и пообещал спуститься.

Завидев Лину, Туров поздоровался и покраснел, а Пустышкин расшаркался и собрался, рисуясь, приложиться к её ручке. Но я попросил этого хлыща не ломать комедию, а лучше показать, где тут можно для девушки купить вина.

Лина запротестовала и попросила сока, но я убедил её, что сок в подобный праздник – напиток несерьёзный. И она согласилась на лёгкое виноградное вино. В ближайшем магазине была куплена бутылка «Изабеллы», и наша компания побежала на подходивший к остановке трамвай.

Из дневника Сергея Максимова Запись от 2 октября.

«Приехали, приготовили стол. Пока делали закуски, Лина сидела в моей комнате и слушала музыку.

Пила она мало, но опьянела быстро. Весело болтала и смеялась. Я не ставил себе задачу специально её напоить, просто, хотелось посмотреть, что она будет представлять после нескольких рюмок. Хочешь получше узнать человека, выпей с ним. И увидишь его сущность. У Лины сущность милая оказалась. И добрая. Не то дерьмо, которое из меня прёт, стоит немного перебрать.

Зато я пил за двоих, но вино, отчего—то, не брало. Не понравилось, как Туров пялился на Лину и говорил с ней.

Стали расходиться в 18:15. Я обещал доставить Лину обратно, пока светло. Пьяным себя не чувствовал вовсе.

Пустышкин в трамвае придурился, а Туров показывал большой палец, демонстрируя восторг моим выбором подруги.

Проводил Лину до дома. Погладил по щеке на прощание и рискнул поцеловать. А она странно глянула на меня и вздохнула...

...Я пообещал завтра приехать к ним обязательно. Она немного расспросила о моей семье.

Бабушка отругала за чрезмерное возлияние. А девушка ей очень понравилась. А я стараюсь не думать о будущем. Разумеется, у нас ничего не получится. Она молода, и ищет твёрдого и сильно мужчину. Вечно сомневающийся ипохондрик на эту роль не подходит. Да и разница в четыре года!»

Мне снилась смеющаяся и, что—то говорящая Лина, грозящие пальцем бабушка и Нина Васильевна, пляшущий вприсядку Пустышкин, и Туров, считающий деньги в мечущемся свете раскачивающейся под потолком люстры.

Следующий день я опять провёл вместе с Линой. Снова стояла чудесная тёплая погода, лёгкий тёплый ветер гонял по асфальту кленовые листья, люди ходили, сняв куртки, а я, спеша к милой, отмечал красоты природы лишь краем глаза, мысли были полностью заняты Линой, ею одной.

Дверь на сей раз открыла Нина Васильевна, вскоре оставившая меня и Лину вдвоём, и ушедшая на пару часов к больной матери. Лина с восторгом вспоминала вчерашний вечер, смешного Савельича и растяпу Турова. Сели доедать дыню и Лина похвасталась своими звонками подругам с потрясающей воображение повестью о знакомстве с «чудесным парнем», в связи с чем «нам необходимо в ближайшие дни сделать несколько визитов. Подруги хотят нового знакомого заценить».

– У вас почему—то звонка нет... – спохватился я.

– Сделать некому. Ты сумеешь установить?

– Надо прикинуть. Смогу, наверное. Купите, я попробую. На батарейках, такой, возьмите.

– Я маме скажу, она купит, – пообещала Лина.

А потом она достала из книжного шкафа два альбома фотографий, и мы принялись перелистывать страницы, всё теснее прижимаясь друг к другу. Я смотрел на снимки, но не видел их, слушал пояснения Лины, но не понимал произносимых ею слов, просто наслаждался звуком её голоса.

Стоило в очередной раз её мягкой ручке с короткими пальчиками перевернуть лист альбома, я решился и накрыл её ладонь своей. Краснея от смущения, вызвался погадать по руке, но не раскрыл правду, ибо линия жизни Лины достигала до сорока лет и внезапно обрывалась. Я успокоил её, что жить она будет долго и счастливо. И она поверила.

Из дневника Сергея Максимова 3 октября.

«А затем, само собой получилось, начали обниматься. Я сперва гладил и целовал её волосы. После принялся целовать личико, губы. Она, смешная, абсолютно не умеет целоваться! Губы у Лины мягкие, сладкие. Я тоже совсем не умею целоваться. Позорник! Ну вот, научусь, хоть. По большей части мы просто сидели обнявшись, прижимаясь друг к другу. И говорили, говорили. Я всё целовал её, гладил. Она необычайно милая, доверчивая. Жалела, что я редко буду приезжать, никак не хотела меня отпускать. Я шатался, словно пьяный, и плохо понимал происходящее. Приходила её подруга, но Лина, сославшись на занятость, попросила ту зайти в другой день. Далее вернулась Н. В. Мы с Линой перекусили, попили чая, и я уехал. На пороге на прощание, поцеловал её. Она прижалась ко мне и не хотела отпускать....»

...Неужели, сбылись мечты о любимой, прекрасной девушке.

Удручало одно: что же дальше? Ладно, посмотрим.

Долго ждал транспорт.

Погода сегодня чудесная. Небывалая, незабываемая золотая осень.

Опять позабыл взять у Лины кассету с записью её исполнений.

Приехав домой, некоторое время очухивался от происходящего. Был здесь, но, вроде бы ещё там, с ней...

...Сумел взять себя в руки и уселся за подготовку к работе...»

Последующие дни прошли, будто в тумане. Реальность расплывалась и выскальзывала из рук, обретая устойчивость и смысл, единственно в те моменты, когда Лина приглашала меня к телефону. Её график работы оказался гораздо свободнее, нежели мой, поэтому мы решили выкраивать и будни для того, чтобы встречаться. Лина согласилась приезжать по вечерам, даже ранее, чем я возвращался из школы, и я заставлял её болтающей с бабушкой Катей, вытягивающей у девушки подробности о матери и отце.

Из дневника Сергея Максимова 6 октября.

«К моему возвращению из школы, Лина находилась уже у нас, приехав минут за сорок до моего появления. Они с бабушкой мило о чём—то болтали, сидя на кухне и, попивая чаёк с трубочками, испечёнными специально для милой гостьи. Я увёл Лину в спальню, закрылся там, и мы стали целоваться, точно одержимые. Всласть наобнимавшись, раскрасневшиеся и разморённые, вновь вышли на кухню. Наскоро перекусив, ибо Лина ранее успела поесть, а у меня кусок в горло не лез, уселись в гостиной смотреть фотографии. А, перебрав фото, снова, держась за руки, скрылись в комнате и продолжили ласкаться и обниматься. Никак не могли оторваться друг от друга. Лине нравится тереться щекой о мои усы. Время пролетает, в таких случаях, незаметно, кажется, прошло пятнадцать минут, а миновало целых полтора часа. Несмотря на то, что пора было выходить, я торопливо спел несколько песен под гитару. Она не прокомментировала, и я пока не понял, понравилось ей, или нет. Мы шли до трамвая, взявшись за руки. Лина капризно настаивала, чтобы я приехал к ней завтра утром, но пришлось разочаровать её, сказав, что это не получится, у меня уроки, а она надулась, и всю дорогу молчала.

Кроме того, Лина привезла кассету с записями своих концертных выступлений. Я просил переписать её. Стремясь продлить время, проводимое вместе, мы выскочили из трамвая у музея, за две остановки до нужной нам улицы, и шли пешком до дома, где живёт её бабуля. Лина с мамой, в связи с ремонтом, временно ночуют сейчас у бабушки. Темнело, огненный закат предвещал похолодание.

Лина выглядела ошарашенной моим предложением венчаться. Я обмолвился об этом ещё в трамвае, и привёл любимую в замешательство. Она судорожно пыталась понять, как такое может случиться спустя неделю после знакомства.

Смешно, она приревновала меня к Дымяновой, увидев её фото в альбомчике.

Весь путь мы не торопясь проделали пешком. Разговаривали. У влюблённых всегда много тем, требующих срочного обсуждения. Хотя в основе сего явления лежит страстное желание побыть вместе ещё мгновение, ещё пару минут не расцеплять пальцев, ещё секунду вглядываться в глаза любимого человека. Условились, что в субботу я приеду к ней. А она позвонит мне завтра и послезавтра.

Вернулся к себе поздно, т.к. мы не спешили расставаться и долго, внаглую обнимались прямо под балконом её бабушки...

...После этих бесед, обдумывая отдельные высказывания Лины, пытаюсь расшифровать туманные намёки, я начал сомневаться в искренности и серьёзности намерений девушки. Кажется, наша дружба окончится ничем...»

К сожалению, присущая мне мнительность росла вместе с любовью к Лине. Да какое там, «росла вместе», она, пожалуй, опережала её, и мешала наслаждаться обретением той, которая ещё месяц назад виделась исключительно в мечтах, коим, насколько я успел увериться, уже

никогда не суждено было сбыться. И через день, не предупредив Лину, совершенно потеряв голову от разлуки, я решил сразу после работы съездить к любимой.

Моей главной проблемой при встрече с Линой, как я понял много позже, являлось то, что я не рассчитывал на подобное развитие событий. Последние годы я терпел бесконечные и однообразные поражения, и вот теперь, мне, вроде бы, невообразимо повезло, однако я вёл себя по—прежнему, словно всё окончательно потерял. Да, я оказался готов сугубо к негативному финалу наших с Линой отношений. И даже старался предвосхитить его, дабы потом, с горечью стариковской мудрости воскликнуть: «Ну, я же говорил!» Инерция мышления поражённого паразитически парадоксальна. Он и самую долгожданную победу готов обратить в поражение, лишь бы окунуться в столь полюбившиеся ему сильные эмоции.

Стоило Лине ответить взаимностью, и у меня, грубо говоря, произошёл разрыв сложившегося представления о мире, и я стал неосознанно подгонять происходящее под отточенный годами шаблон, в то же время мучительно стараясь выйти на новый уровень любви. Но, своевременно перестроиться я не смог. «И пораженья от победы ты сам не должен отличать...» Потому и не отличал. Не это ли, в конце концов, и явилось причиной того, что закончилось всё отнюдь не так радужно, как мы с Линой планировали?

Из дневника Сергея Максимова 8 октября.

«Ещё утром, до работы, решил обязательно поехать сегодня к Лине. Не представлял, в состоянии ли прожить текущий день без неё. Увидеть её, обнять её. Ничего другого не надо. Взял банку варенья к чаю.

Пришлось отпустить детей чуть раньше. Ну они и радовались! Позвонил Пустышкину и предупредил: на обратном пути, скорее всего, заскочу.

Приехал к Лине в 12:30. И никого не застал

Думая, что они вот—вот вернутся, полчаса погулял по улицам, в ближайшем ларьке купил, на последние деньги бутылку пива и выпил у них возле подъезда, на лавке. С голодухи сразу поплыл. Второй раз поднялся на четвёртый этаж, к их квартире. И опять за дверью тишина. Вырвав из тетрадки листочек, написал несколько строчек, свернул вчетверо и всунул в замочную скважину.

Пока шёл до Пустышкина, развезло ещё больше. Заявился к нему совсем пьяным. Сидел и тоскливо молчал, глядя в одну точку, ни слова ему не говоря. Спасибо Савельичу, он накормил жареной рыбкой и напоил чаем.

Домой вернулся сонным... ..прилёг отдохнуть, проспаться и привести нервы в порядок. К вечеру настроение чуть—чуть улучшилось.

Лина позвонила в 19:30. Напомнила мне, дураку, что в своей квартире они пока не живут из—за запаха краски. Договорились завтра увидеться и погулять. Она зайдёт за мной в 13:00. Продиктовал ей инструкцию, как включать музыкальный центр, пусть в моё отсутствие послушает музыку. Вернулся к себе в комнату, пританцовывая от счастья!»

9 октября.

«...Лина приехала в 13:50. Я был чутьочку расстроен невозможностью побывать у меня, требовалось срочно ехать за лекарством для Натальи Васильевны. Сначала решили пройтись по местным аптекам, но похожих таблеток нигде в продаже не имелось. От музея минут тридцать или пешком, и беседовали на разные темы.

Она огорошила известием: завтра надо идти на день рождения к её тётке. Решили подарить шампанское. Купили открытку.

Обратно приехали в 16:05.

Бабушка испекла пироги. Перекусив, направились в мою комнату. Закрылись и бросились в объятия друг другу... почти полтора часа целовались...

...Постепенно роман заходит слишком далеко.

Не пойму, что она во мне нашла. Пообещала сюрприз. Я догадываюсь, о чём идёт речь, но боюсь этого. Просто, может быть, не надо излишне спешить. От души нацеловавшись и наобнимавшись, поехали к ним. Предварительно подписали открытку. Я проводил Лину до дома, затем до бабушки. По дороге часто останавливались и всё целовались, целовались. У меня аж губы начали болеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.